

РАДОСТЬ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Татьяна Алексеевна Агапкина

Институт славяноведения РАН

32-А Ленинский пр., Москва, Россия

agapi-t@yandex.ru

А н н о т а ц и я : Слово *радость* и его дериваты представлены в большинстве жанров восточнославянского фольклора (в былинах, календарных песнях, свадебных причитаниях, песнях и приговорах, похоронных причитаниях, народной лирике, паремиях, заговорах, духовных стихах и др.). В фольклорных контекстах *радость* входит в состав устойчивых оборотов, указывающих на способы, приемы, цели, причины и собственно эмоциональные состояния, относящиеся к совершению тех или иных действий. Значения фольклорного слова *радость*, меняясь от жанра к жанру, довольно разнообразны. *Радость* как ‘чувство удовольствия’ реализуется практически во всех жанрах, кроме похоронных и рекрутских причитаний и отчасти духовных стихов. Большое место в фольклоре занимают контексты, где *радость* приобретает значение некой ценности. В самых разных жанрах *радость* соотносится с рождением, появлением на свет нового человека — младенца Христа или простого новорожденного. В календарном фольклоре *радость* ассоциируется с «вещными» ценностями — *корыстью* и *дарами* — и материализуется в таких событиях и объектах, как свадьба детей (сулящая прибавление в семействе), приплод скотины и т.д. В былинах и свадьбе *радость* понимается как некое «опредмеченное» событие и означает пир (и специально свадебный пир), угощение, прием гостей и, наконец, просто праздник. В проекции на аксиологическую шкалу в подавляющем большинстве случаев производные в.-слав. *рад-* связаны с комплексом положительных значений, хотя в отдельных жанрах (быличках, духовных стихах, паремиях) *радость* может тяготеть к противоположному полюсу, где воспринимается как следствие несправедности человека, сопутствует его греховному поведению, «наводится» Сатаной и его приспешниками или даже приписывается черту.

Ключевые слова: восточнославянский фольклор, жанры, заговоры, эпос, вербальная магия, диалекты, фольклорный концепт.

Для ссылок: Агапкина Т. *Радость* в восточнославянском фольклоре // Антропологический форум. 2025. № 65. С. 87–128.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-87-128

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/agapkina.pdf>

RADOST (JOY) IN EAST SLAVIC FOLKLORE

Tatiana Agapkina

Institute of Slavic Studies, RAS

32-A Leninskiy Ave., Moscow, Russia

agapi-t@yandex.ru

Abstract: The word *radost* (joy) and its derivatives are presented in most genres of East Slavic folklore (in Russian epics, calendar songs, funeral and wedding lamentations, songs and sentences, folk lyrics, sayings, incantations, spiritual poetry, etc.). In folklore contexts *radost* forms a part of set phrases indicating ways, methods, purposes, reasons and emotional states related to the performance of certain actions. The meanings of the folklore word *radost*, changing from genre to genre, are quite diverse. *Radost* as a ‘feeling of pleasure’ is realised in almost all genres, except for funeral and recruitment lamentations and, to some extent, spiritual poetry. A large place in folklore is occupied by contexts where *radost* acquires the meaning of a certain value. In a wide variety of genres, *radost* is correlated with the birth, the appearance of a new person — the Infant Christ or an ordinary newborn baby. In calendar folklore, *radost* is associated with “material” values — *koryst* (profit) and *dary* (gifts) — and materialises in such events and objects as children’s weddings (promising an addition to the family), the offspring of cattle, etc. In epics and weddings, *radost* is understood as a certain “objectified” event and means a feast (and especially a wedding feast), treats, reception of guests, or, finally, just a holiday. Projected onto the axiological scale, in the overwhelming majority of cases derivatives of East Slavic *rad-* are associated with a complex of positive meanings, although in some genres (mythological stories, spiritual poetry, sayings) *radost* can gravitate towards the opposite pole, where it is perceived as a consequence of a person’s unrighteousness, accompanying his sinful behaviour, is induced by Satan and his minions, or is even attributed to the devil.

Key words: East Slavic folklore, genres, incantations, epic, verbal magic, dialects, folklore concept.

To cite: Agapkina T., ‘*Radost* v vostochnoslavjanskom folkloře’ [*Radost* (Joy) in East Slavic Folklore], *Antropologičeskij forum*, 2025, no. 65, p. 87–128.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-87-128

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/agapkina.pdf>

Татьяна Агапкина

Радость в восточнославянском фольклоре

Слово *радость* и его дериваты представлены в большинстве жанров восточнославянского фольклора (в былинах, календарных песнях, свадебных причитаниях, песнях и приговорах, похоронных причитаниях, народной лирике, паремиях, заговорах, духовных стихах и др.). В фольклорных контекстах *радость* входит в состав устойчивых оборотов, указывающих на способы, приемы, цели, причины и собственно эмоциональные состояния, относящиеся к совершению тех или иных действий. Значения фольклорного слова *радость*, меняясь от жанра к жанру, довольно разнообразны. *Радость* как 'чувство удовольствия' реализуется практически во всех жанрах, кроме похоронных и рекрутских причитаний и отчасти духовных стихов. Большое место в фольклоре занимают контексты, где *радость* приобретает значение некоей ценности. В самых разных жанрах *радость* соотносится с рождением, появлением на свет нового человека — младенца Христа или простого новорожденного. В календарном фольклоре *радость* ассоциируется с «вещными» ценностями — *корыстью* и *дарами* — и материализуется в таких событиях и объектах, как свадьба детей (сулящая прибавление в семействе), приплод скотины и т.д. В былинах и свадьбе *радость* понимается как некое «опредмеченное» событие и означает пир (и специально свадебный пир), угощение, прием гостей и, наконец, просто праздник. В проекции на аксиологическую шкалу в подавляющем большинстве случаев производные в.-слав. *рад-* связаны с комплексом положительных значений, хотя в отдельных жанрах (быличках, духовных стихах, паремиях) *радость* может тяготеть к противоположному полюсу, где воспринимается как следствие несправедности человека, сопутствует его греховному поведению, «наводится» Сатаной и его приспешниками или даже приписывается черту.

Ключевые слова: восточнославянский фольклор, жанры, заговоры, эпос, вербальная магия, диалекты, фольклорный концепт.

В этой работе мы продолжаем исследование «человека внутреннего», а именно того, как в восточнославянском фольклоре описывается человек чувствующий, думающий и волевой. К данному моменту уже написаны работы о *славе*, о *сердце* (в аспекте его эмоциональности и духовности), о биноме *хитрый-мудрый*, о *воле* и о *гордости*. В настоящей статье речь пойдет о *радости* — слове, занимающем заметное место в восточнославянской фольклорной картине мира. Мы рассмотрим использование этого понятия в былинах, календарных песнях, свадебных причитаниях, песнях и приговорах, в похоронных причитаниях, лирических песнях и частушках, в паремиях, заговорах, а также в духовных стихах. Вне нашего внимания, как и в более ранних работах на близкие темы, остаются слова, которые не относятся к сфере внутреннего мира человека, т.е. слова, означающие не ментальные действия или эмоциональные реакции, а сугубо эмотивное поведение. Это различие имеет принципиальный характер при отборе материала.

Татьяна Алексеевна Агапкина
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
agapi-t@yandex.ru

При исследовании фольклорного слова мы исходим из того, что важнейшей его особенностью является оценочность, аксиологическая окрашенность, тот факт, что каждое понятие, каждое ключевое слово занимает вполне определенное место в иерархии ценностей фольклорной картины мира, и эта оценка не может не учитываться при описании ключевых понятий. Поэтому наши работы, посвященные понятиям, определяющим внутренний мир человека, строятся с учетом этого фактора, который позволяет условно разделить весь описываемый материал на две, обычно неравные части, сопряженные с противоположными полюсами аксиологической шкалы.

Исходя из этого, статья организована следующим образом. Внешней рамкой является аксиологическая шкала: сначала рассматриваются все случаи положительного восприятия *радости* (их большинство), а в конце — примеры негативного отношения к *радости*. В рамках каждой из этих двух частей исследование ведется от жанра к жанру, однако в одном случае мы отступаем от этого правила, акцентируя внимание на семантике радости, объединяющей календарные (рождественские) контексты с контекстами из других жанров.

Несколько слов об общем подходе к исследованию. Мы исходим из того, что специфика фольклорного слова в значительной мере определяется приоритетами соответствующих жанров (в частности, С.Е. Никитина называет это жанровой концептуализацией фольклорного мира [Никитина 2009: 36]) и важнейшие слова традиционной культуры реализуются в фольклорных текстах как их жанровые проекции, которые значительно разнятся при переходе от жанра к жанру. Именно такой взгляд на фольклор предполагает наличие ощутимых отличий в жанровых программах описания эмоций и интеллектуальной деятельности «человека внутреннего», отличий, которые позволяют увидеть в нем человека то героического, то семейного, то сосредоточенного на своих эмоциях, то, напротив, в большей степени погруженного в духовную жизнь. В конечном счете мы пытаемся через язык фольклора выявить и осмыслить важнейшие понятия и категории, определяющие напряженную внутреннюю жизнь фольклорного человека. Поэтому нашей задачей, собственно, и является изучение фольклорной семантики слова, в данном случае *радости*, в его жанровых проекциях, что составляет суть работы и вслед за аксиологической шкалой определяет структуру статьи.

Словам, производным от **rad-*, в отечественной науке посвящено несколько специальных исследований. Одной из самых ранних является статья Н.И. и С.М. Толстых [Толстая, Толстой 1995], касающаяся актуальной культурной семантики слав. **vesel-*,

соотносимого с **rad-*, частично или полностью ему синонимичного и широко представленного в языке традиционной культуры — в народном календаре, свадьбе, представлениях о природе и иных сферах. Позднее вышла работа С.М. Толстой, в которой оба слова изучались с точки зрения перспектив семантической реконструкции как реализующие разные возможности исходной праславянской семантики и меняющие свою позицию на шкале «сакральность — профанность», а также подробным образом рассматривались старославянские контексты с использованием **rad-* и **vesel-*, в том числе тексты переводов Священного Писания [Толстая 2019]. Назовем также работу А.Б. Пеньковского о *радости* и *удовольствии* в русском языке, в которой автор оценивал эти слова с точки зрения того, какие состояния (психические или физические) они выражают [Пеньковский 1991], и словарную статью Ю.Д. Апресяна [Апресян 2004]. Наконец, фрагмент о рус. *радость* / *радоваться*, их аксиологии и коррелятах в диалектном пространстве русского языка содержится в книге Т.И. Вендиной, где она также различает *радость* как эмоционально-психологическое состояние и *веселье* как его «наружное» проявление и рассматривает значения диалектных слов на *рад-* и их семантические связи [Вендина 2020: 516–517].

Опираясь на эти исследования и свои наблюдения, мы хотим предварительно обратить внимание на два момента, касающихся слова *радость* в произведениях большинства жанров восточнославянского фольклора. Во-первых, на то, что *веселье* и *радость* (*веселый* / *радостный*, *веселиться* / *радоваться*) действительно выступают либо как синонимы (иногда полные, иногда неполные), либо как корреляты. Сказанное касается практически всех рассматриваемых жанров, и потому, чтобы не повторяться, мы практически не будем касаться этого аспекта по ходу изложения. Такое «игнорирование» коррелята *веселый* / *веселиться* в значительной мере объясняется вышесказанным — веселье по большей части не является чистой эмоцией и скорее представляет собой ее поведенческую реализацию и гораздо больше сопряжено с активным действием, поэтому оказывается вне наших интересов.

Второй момент состоит в том, что вместилищем *радости* в фольклоре оказывается *сердце* как источник эмоциональных переживаний, средоточие чувственности, которое постоянно «появляется» в разных контекстах, связанных с *радостью*: это чаще всего *радостное ретивое сердце*, а также совершение чего-либо *с чистого сердца* и *с радости* или для того, чтобы *сердце радовалось*; обращенный к *сердцу* призыв *радуйся* и т.д. Учитывая массовый характер этой связи, распространяющейся практически на все рассматриваемые жанры, мы также

в большинстве случаев оставим подобные примеры за скобками.

* * *

Слово *радость* и соответствующие частеречные и морфологические варианты (*радоваться, радостный, радостно*) представлены в большинстве жанров всех трех восточнославянских фольклорных традиций:

- рус. *радость, радости*; бел. *радасць*; укр. *радість, радости*; в.-слав. диал. *радосточка, нерадость, обрада, обрадушка, радование; радоснік, радосне; зрадованьице*;
- рус. *радоваться* (кому, кем); бел. *радавацца, радаваць*; укр. *радіти, радувати(ся), зрадіти, зрадувати(ся)*; в.-слав. диал. *обрадоваться; радаться, зрадоваться, взрадоваться; взрадеть; радовать; обрадеть / обрадать* (кого), *обрадовать*;
- рус. *радостный*; бел. *радасны*; укр. *радісний*; в.-слав. диал. *радоиный, радосливый; радостен, радошен*;
- рус. *радостно*; бел. *радасна*; укр. *радісно*; в.-слав. диал. *радостнее; радостнешенько*.

Дериваты **rad-* содержат модальный компонент ‘хотеть’, в результате чего они приобретают такие значения, как ‘хотеть’, ‘быть склонным, готовым к чему-л.’, ‘любить’ и т.д. [Толстая 2019: 94–95]. В силу этого контексты со словами на *рад-*, имеющие подобные значения (типа *рад сделать*), практически нами не учитываются (что, разумеется, не относится к *рад* как к краткому прилагательному).

Едва ли не наиболее широко среди других фольклорных жанров слова на *рад-* представлены в **былине**, где они определяют эмоционально-психологическую тональность целого ряда сюжетных ситуаций, в которых герой ощущает эмоциональный подъем и испытывает удовлетворение от происходящего. Учитывая героический характер русского эпоса, кажется неслучайным, что одной из основных является радость от победы:

- как в сражении на поле боя: «*Наш белый царь радуется, / Входит в славный во Казань-город, / Вперед Ермака государь здравствует: / “Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич, с радостью!” / “А тебя, государь, поздравляю с победой!”*» («Взятие Ермаком Казани») [Калугина, Ковпик 2008: 411]; «*Молодой Илья да сын Иванович / Он прибил же тое войско все бурсарское <...> / Збавил князя да черниговска / От татар было поганных. / Приезжает тут ко князю ко черниговску, / Князь черниговский зрадуется*» («Илья Муромец и Соловей разбойник») [Гильфердинг 1894, 1: 19];

- так и в игре: «Тут играли было в шашечки дубовыи <...> / Проиграл Михайла Потык сын Иванович <...> / Тому Бухарю он царю заморскому. / Тут царь Бухарь было заморский, / Тут же *царь да он зрадуется*» («Михайло Потык») [Гильфердинг 1894, 1: 73].

Вторая ситуация, в которой *радость* являет себя, пожалуй, наиболее часто, — это встреча, обычно неожиданная, встреча победителя, жены, матери или сына, которой сопутствуют сильные и искренние эмоции, особенно если это герои, прежде разделенные расстоянием, близкие, не видевшие друг друга долгое время и ничего друг о друге не знавшие:

- «Как брала-то она перстень-от во праву руку; / Ишше перстень Добрынюшки всё Никитиця. / Ишше тутъ ведь *Настасьюшка обрадела же* <...> / Как скакала она через дубовой стол, / Обняла она Добрынюшку за белу шею» («Неудавшаяся женитьба Алеши») [Марков 1901: 67]; «И приехал Добрыня со княгинею / Во стольный Киев-град, на улице широку <...> / И увидел ласковый Владимир-князь <...> / И бежит он скоро на красно крыльцо, / *И радуется он удалу добру молодцу / И своей княгине Апраксию*» («Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича») [РЭПС 1991: 70]; «[Дунай] приехал скоро в славу матушку каменну Москву <...> / Тут ведь *радось-та кака чудна случилася, / Обрадела тут же матушка родимая*» («Бой Дуная с Настасьей») [Былины Крюковой 1939: 449].

Так же встречают известие, приносящее радость:

- «Скоро-наскоро сумочки распечатала, / Она вскоре-то смотрела эти письма скорописчаты, / Весьма-то она дело *взрадовалася*, / Что жив-то ея любимый сын» («Дюк») [Рыбников 1909: 104].

Вместе с тем *радость* может быть этикетной и демонстрироваться в ситуации встречи с противником или завоевателем:

- «Что царица Елена догадалась <...> / Она с *радостью московского князя встречала*, / А того ли Ивана-сударь Васильевича, прозрителя» («Взятие Казани») [Исторические песни 1986: 98].

тем самым вновь переходя из эмоционально-психологической плоскости в поведенческую.

Третья ситуация, которой непременно сопутствует *радость*, — это пир и угощение, причем слово *радость* получает в этом случае целый комплекс дополнительных коннотаций: желание, удовольствие, щедрость и т.д. Хозяин угощает гостей с *радостью*, и сами гости угощаются *на радости*, т.е. с удовольствием;

пир затевается *на радости*, т.е. по поводу радостного события; гости испытывают чувство *радости* по окончании пира:

- «Завела она-то честна вдова Часовова жена, / Завела она тут да почестен пир, / Князей-то бояр на пир пособрала / И русских могучиих богатырев позабрала. / Они ели да пили на радости, / Пили хмельное на весели» («Хотен Блудович») [Гильфердинг 1896, 2: 345]; «Говорить ему калики всё ответ держать: / “Не возьмём-то мы твоей всё золотой казны; / Принеся ты нам напиток пива сладкого”. <...> / Подаваёт всё каликам переходим <...> / Подаваёт ведь он ото всей радосьти» («Исцеление Ильи Муромца») [Марков 1901: 207].

В связи с пиром в былинах нередко встречается выражение *принимать с честью, с радостью*:

- «Увидали тут татаровья-улановья, / Приняли его с честью, с радостью, / Брали его за белы руки, / Посадили его за дубовый стол, / Напоили молодца они до пьяна» («Молодец и королевишна литовская») [Гильфердинг 1896, 2: 663],

которое является общим местом, будучи приложимо практически к любому гостю — Сухану, Дюку, калике переходящему и др., причем не только в былинах, но и, например, в сказках:

- «Сар [Царь] его принял с честью, с радостью, отделил ему полцарства и половину города людей, и половину имения, и дочь замуж» («Федор Бермятин») [Азбелев, Мещерский 1986: 193].

В данном контексте *честь*, видимо, используется в специальном значении, ср., например, рус. карел. *честить* ‘кормить, поить гостя, проявляя радушие, гостеприимство’, *честной* ‘подарки невесте и жениху’ [СРГК 2005, 6: 783], ярослав. *честь* ‘часть свадебного обряда — угощение на следующее утро после свадьбы’ [ЯОС 1991, 10: 57] и другие слова, связанные с материализацией *почести*, воздаваемой в том числе гостю; ср. также одно из значений с.-рус. *почествовать, почестить* ‘пригласить к столу’ [СРНГ 1996, 30: 383], *почестно* ‘угощение, обед на второй день свадьбы’ [СРНГ 1997, 31: 5] и т.д. Иными словами, выражение *принимать с честью, с радостью* можно трактовать как ‘угощать щедро и с удовольствием’, вкладывая в него не только эмоциональную, но и материальную составляющую.

Наконец, и сама *радость* иногда опредмечивается и начинает обозначать пир и даже праздник вообще¹:

¹ Ср. тот же оборот в праздничном поздравлении на пиру по случаю праздника: «Дай Бог в “честь” и в радость встретить, пировать и проводить без шума, без драчи!» (Вятск. губ.) [Магницкий 1883: 15].

- Микита спасает Федора-царевича, сына Ивана Грозного, и устраивает в своем селе *радость* по этому поводу: «И садит Микита Федора-царевича / На своего добра коня, / Везет его во свое село. / И сделал он в своем селе радости: / Пылко и ярко в барабаны бьют, / И заунывные сиповки вызыграют, / И добро в большой колокол благовестят» («Иван Грозный и сын») [РЭПС 1991: 318];

ср. близкое к этому др.-рус. *радость* ‘брачный пир, свадьба’ [СРЯ 1995, 21: 125].

Четвертая ситуация, в которой встречается слово *радость*, связана с эпическим сватовством. В русских былинах, которым очень близка свадебная тема, добывание невесты для самого героя или для князя, а также выдавание дочери замуж за чужеземца требовало соблюдения определенных правил. Одним из этикетных установлений было отдавание невесты *с честью и радостью*, т.е. ‘так, как следует, правильно, без применения силы’ (ср. рус. вологод. *честью* ‘хорошо, по-настоящему, так, как следует’ [СВГ 2007, 12: 38]). Так, Идолище отправляет сватов-корабельщиков к племяннице князя Владимира, наставляя их получить согласие на свадьбу, чтобы князь Владимир отдал ее *с чести и с радости*:

- «Вы подите-ка ко городу ко Киеву, / А ко ласкову-ту князю ко Владимиру, / А как сватайтесь на его любимой на племяннице, / Чтобы с чести он отдал за меня, с радости, / А без драки ведь да кроволития» (Беломорье) [Калугина, Ковпик 2008: 187].

Аналогично и в былине «Садко» Настасья просит батюшку *честью* отдать ее купцу:

- «Тут ставала Настасья на резвы ноги, / Говорила царю всё такобы речи: / “Уж ты гой еси, батюшко любимой мой! / Не розлуци же ты миня с Садком, купцём богатым, / Отдавай-ко-се миня ты с чести, с радости”» («Садко») [Марков 1901: 138–139].

Наконец, Апраксеюшка, дочь «леховинского» князя, причитает над отцом, убитым Ильей Муромцем по приказу князя Владимира за то, что отец отказался отдать ее Владимиру как надо:

- «Ох ты гой еси, батюшка да родитель же, / А не умел ли ты отдать да с чести-радости, / А тебе ли нонь сняли да буйну голову» («Дунай») [Былины Севера 1938: 132].

Переходя к коррелятам, соотносимым со словом *радость*, помимо уже упоминавшейся *чести*, а также *веселья*, назовем

и редкие контекстные антонимы типа *тоска*, *кручина*, *ужас*, *страх* и др., указывающие на противоположные чувства, которые испытывают персонажи-антиподы:

- «Что, любезный зятюшко, *пьешь на радости, навеселе*, / А у меня-то *тоска да кручинушка*: / Нету сына милого Алексея да Петровича» («Царевича Алексея хотят казнить») [Калугина, Ковпик 2008: 453]; «Как ино царь-он Костянтинон Боголюбович, / Он-то ведь уж тут *зрадовается*. / Как тут в Цари-гради от крыку еще каличьего / Теремы-то ведь тут пошаталися, / Хрустальнии оконнички посыпались, / Как у поганого *сердечко тут ужахнулось*» («Илья Муромец и Идолище») [Илья Муромец 1958: 156],

а также постоянный для *радости* эпитет *великий* (который присутствует практически во всех жанрах):

- «Все князи-бояра, / Могучие богатыри / Пьют-едят, потешаются / *На великих на радостех*» («Кострюк») [Калугина, Ковпик 2008: 393].

Обратим также внимание на многочисленные употребления в былинах слова *нерадостный*, преимущественно в контекстах, относящихся к неодушевленным существительным, которые обозначают источник информации: это может быть весть, известие, указ, письмо, колокол и др. [Бобунова, Хроленко 2006: 108, 109, 114].

Таким образом, в былинах мы выделили четыре ситуации, в которых упоминается *радость*, — победа, встреча (или известие), пир и сватовство. Каждая из них привносит новые коннотации в значение *радости*, в том числе связанные с материализацией *радости*. Вместе с тем в большинстве случаев эти коннотации «обеспечиваются» за счет биномов и коррелятов, которые берут на себя основную нагрузку по внедрению дополнительных оттенков значений (*честь-радость*).

В **календарном фольклоре** имеются две доминанты, в которых преобладает тема радости: основная — это Рождество (и святки в целом), а также Пасха и следующие за ней почитаемые даты.

Уже в статье 1993 г., посвященной культурной семантике слав. **vesel-*, Н.И. и С.М. Толстые назвали общим значением производных этого праславянского корня ‘новый, рождающийся, молодой, растущий, процветающий’, в свою очередь, связав его с праздниками Рождества и Нового года. Авторы также полагают, что святочные праздники получают эпитеты *радость* и *веселье* прежде всего на основе мифопоэтического сближения слов *Рождество* — *радость*, *Василий* — *веселье* [Толстая, Тол-

стой 1995: 294], и привели немало подтверждающих этот тезис примеров.

Эти наблюдения могут быть дополнены отсылками к евангельским текстам, а также к текстам всенощного бдения на праздник Рождества Христова, в которых присутствует тема радости. Радость как восторг и трепет от ожидания чуда Рождества и встречи со Спасителем пронизывает души волхвов в рождественскую ночь: «Видѣвше же звѣзду, возрадовашася радостію велією зѣло» (Мф 2:10), — говорит Евангелие от Матфея, передавая этими словами чувства волхвов в ожидании встречи с младенцем Христом. «Показа звезда прежде солнца Слово пришедшее уставити грехи, волхвом яве во убозем вертепе, милостиваго Тебе пеленами повита: *Егоже радующеся видяху Самого и человека и Господа*», — сообщается о том же в службе Рождества Христова.

Тексты всенощного бдения атрибутируют эту радость встречи с родившимся Богочеловеком всему сущему:

- людям: «*Ликують ангели вси на небеси, и радуются человецы днесь*: играет же вся тварь рождшагося ради в Вифлееме Спаса Господа» (стихиры на литии);
- пастухам, которые пасли стада вблизи вертепа: «Я возвещаю вам *великую радость*, которая будет всем людям, ибо ныне родился Спаситель, который есть Христос» (величание);
- всякой твари: «*Днесь всякая тварь веселится и радуется, яко Христос родился от Девы Отроковицы*» (канон);
- небесам и силам небесным: «*Веселитесь, праведнии, небеса, радуйтесь*, възиграйте горы, Христу рождшуся <...>; Днесь Христос в Вифлееме раждается от Девы: днесь Безначальный начинается, и Слово воплощается: *силы небесныя радуются, и земля с человеки веселится*: волсви Владыце дары приносят: пастырие Рожденному дивятся» (Стихиры на хвалитех)¹.

Влияние рождественской службы на фольклорный репертуар особенно заметно в колядках (книжных, «школьных» и народных), исполнявшихся в течение святочных праздников. Важное место в этом репертуаре занимают мотивы, описывающие радость на земле и небесах по случаю рождения Христа и призывающие мир возрадоваться этому событию: радости с неба, радостной новости, радости, которую дала миру Мария. Наиболее широко эта колядная тема представлена в украинской и белорусской традициях:

¹ См.: <<http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon250.htm?id=250>>.

- «*Радуйся! Радуйся, небо, Земле, веселися, Христос народився*» (Житомир. обл.) [Щедрий вечір 2013: 48]¹; «*Ишли гости колядные — роковые, / Радуйся, земля, Бог народыўса!*» (Белоруссия) [Довнар-Запольский 1895: 41]²; «*Иисус мой возлежит в яслех на сене <...> / Горя, холми и моря радостно играють <...> / И вси человецы от радости скачут, / Сами злые духи жалостно плачуть <...> / Пречистая Марія! Радости причина! / Испроси нам благодать у Твоего Сына*» (Белоруссия) [Шейн 1874: 59–60]; «*Радуйтесь, людды, До вас Бог прыбуде!*» (Воронеж. обл.) [Афанасьевский сборник 2012: 74]; «*Радосна новина нам стала, / Же пана Марія породила / Премилого спасителя. / Радуйме са на родині его*» (русины) [Шмайда 1992: 188].

В свою очередь, светские колядки, не затрагивающие Рождество Христово как событие, также не обходят тему радости, а развивают ее в контексте традиционных интересов крестьянина. Таков мотив «солнце, месяц и дождь приносят радость», который акцентирует тему хозяйственного благополучия и приращения достатка, достижимых в недалеком будущем:

- «*Ой там за горою, за кам'яною, / Ой там виходять три товариші: / Що перший товариш — яснее сонце, / А другий товариш — ясен місяць, / А третій товариш — дрібен дощик. / Що сонечко каже: “Як я зйду, / То зрадується і старе й мале”. / А що місяць каже: “А як я зйду, / То зрадується весь звір у полі, / Весь звір у полі, чумак в дорозі, / Чумак в дорозі, хазяїн дома”. / А що дощик каже: “А як я зйду, / А як я зйду три рази в маю, / То зрадується жито-пшениця”*» (Украина) [Пісні Поділля 1976: 108]³.

Ту же тему развивает еще один мотив колядок, связанный с радостью, — это описание того, как во дворе или доме хозяина

¹ Тема радости по случаю рождения Спасителя встречается также в других жанрах, в частности в духовных стихах, ср.: «А во славном во Флеми, / У славной у Девы у Марей, / Родился Христос и Сын Божий. / Небо и земля возрадовались, / Весь мир на земли возвеселился» («Милостивая жена милосердная») [Бессонов 1863, 2-4: 117]; «В день Христова рождения / Веселися, день, радостный день» [Духовные стихи 2015: 57].

² На эти слова («Радуйся, земля, и веселитесь, небеса»), входящие в псалмы и другие сакральные тексты, обратила внимание С.М. Толстая, заметив, что в их составе старославянские глаголы *веселиться* и *радоваться* могут меняться местами, хотя в целом в книжных текстах глагол *веселиться* чаще соотносится с высшей духовной сферой, а глагол *радоваться* — с земным, человеческим началом. При этом для современного языкового сознания, к которому по преимуществу принадлежат и рассматриваемые нами фольклорные тексты, характерно противоположное понимание этих двух концептов, когда *радоваться* относится к области духовного и высокого, а *веселиться* — земного и физического [Толстая 2019: 92–93].

³ О мотиве колядок «три гостя с неба» писали А.А. Потебня [Потебня 1887: 184 и далее] и А.Н. Веселовский; последний полагал, что в них отразились мотивы рождественских обходов и трех волхвов, приходящих с дарами [Веселовский 1883: 247].

появляются «радости»-корысти: свадьбы детей, приплод скотины и новые рои пчел, мир и благополучие:

- «Как у нашего хозяина / Да две радости: / Еще первая радость — / Сына женил, / А другая-то радость — / Дочь замуж отдал» [Земцовский 1970: № 222]; «Что у твоём дворе случилось? / — Три радости появилось <...> / Сорок кобыл жеребилосся, / сорок коров телилосся, / сорок роёв роилося» (Твер. обл.) [Торопецкие песни 1967: 19–20]; «Тепер ми братчик з війни прїхав, / Та привіз ми три даруночки, / Три даруночки — три радосточки: / Одну ми радїсть — срібний перстенець, / Другу ми радїсть — пав'яний вінець, / Третю ми радїсть — золотий шаєць» (Украина) [Колядки та щедрівки 1965: 322].

Тему радости в календарном фольклоре продолжает, хотя и не столь разнообразно, пасхальный репертуар западнорусских и белорусских областей. Известные здесь волочечные песни, исполняемые в составе одноименных обходов дворов начиная со второго или третьего дня Пасхи, разрабатывают мотивы радостей-даров и почти идентичны колядкам-пожеланиям:

- «Хозяинушка наш батюшка! / Что у твоём дворе случилось? / Зажги огонь, сходи ты на двор. / На твоём дворе три радости: / Перва радость — коровка телилася, / Друга радость — овечка ягнилася, / Третья радость — кобыла жеребилася» (Псков. обл.) [Земцовский 1970: № 465].

Неслучайно в волочечных песнях также наблюдается синтаксический и семантический параллелизм *радости* и *корысти* (см. бел. *карысьць* 'польза, прибыль'):

- «Жыві здароў са ўсім дваром, / Из дзеткамі, з галубяткамі <...> / Гэты празнічак праважаючы, / На прыбудушчы год дажыдаючы, / У карысьці, ў радосці, ў добрым здаровечку» (Белоруссия) [Валачобныя песні 1980: 64].

Пасха как важнейший христианский праздник (для восточных славян вообще и русских особенно) «провоцировала» проявление темы *радости* и в других пластах традиционной обрядности. Так, народное поминовение усопших, приуроченное к *Радонице* (второй вторник после Пасхи), было общим поминальным днем в России, на востоке Белоруссии (Витебщина, Гомельщина, Могилевщина) и северо-востоке Украины. Поминовение мертвых во вторник Фоминой недели признано православной церковью для того, чтобы «после светлого праздника Пасхи мы могли разделить с усопшими великую радость воскресения Христова; отсюда этот день называется Радоницею. Как Иисус Христос перед Своим воскресением входил к мертвым во ад, так и последователи Его в день Радо-

ницы собирались на могилы усопших, чтобы приветствовать их радостно о победе Иисуса Христа над смертью» [Заупокойное богослужение 1994: 93]. Подобное восприятие поминального дня и его связь с Пасхой как днем высокой радости способствовали сближению *Радуницы* с *радоваться* (этимологически обоснованному в [Фасмер 1971, 3: 431]), что нашло отражение в диалектных вариантах названий дней второй недели после Пасхи: «*Радостное воскресенье*. Первое воскресенье после Пасхи» [СВГ 2002, 9: 5], *Радошное воскресенье* 'то же' [СРГК 2005, 6: 391], — а также в обрядности и праздничном досуге этих дней: «*Радованица*. В радова'ничу дак всех бригадиров пьяными напоили» [СВГ 2002, 9: 4–5], ср. обычаи устраивать на кладбище и в доме игры и веселиться на Радуницу, рус.: «На Радуницу до обеда плачут, после обеда скачут» (см. об этом: [Агапкина 2002: 286]).

Идею Пасхи как праздника, сопряженного с *радостью*, поддерживает терминологическое обозначение так называемой игры солнца, которое, как говорили в Полесье, *радуется* только на Пасху [Толстая 1986: 11]. Та же идея радости определяет пасхальную практику обновления жизни — от одежды до очищения жилища или приобретения новых икон для дома. Как считали на Новгородчине, воскресению Христа «радовалась» любая вещь, чем объяснялось всеобщее очищение перед праздником: «А на Паску че делали, на Паску-то все-то, все-то перестираэшь, и мама у нас и скажет: “Все надо выстирать, даже *портяночка* и *та радуэцца*¹, што будет Паска”» [Духовная культура 1997: 242].

Таким образом, в календарном фольклоре лексическая семантика в.-слав. *радость* колеблется в диапазоне от возвышенной духовной радости при рождении Спасителя (поддерживаемой литургическими текстами) или его Воскресении до материализованной радости-прибыли (*три даруночки* — *три радосточки*), появляющейся на праздниках в доме и хозяйстве или принесенной колядниками и другими гостями. Отсюда происходят и текстовый параллелизм *радости* и *корысти*, и праздничные формы времяпрепровождения, а также корреляция *радости* и *новизны*, обновления, заметная как в рождественско-новогодних (мотивы радостной новости), так и в пасхальных обрядах.

Особенно это видно в святочном фольклоре и обрядности, для которых в целом характерен мощный пласт инициальной

¹ *Радость* вещей — отдельная тема, которую мы здесь не затрагиваем в силу ее специфичности, см. рассказ об одной из известных старообрядческих карельских книжниц Ирине Бирючовской, которая перед смертью переживала, что после ее ухода старообрядческие книги никто не будет читать, а читать их надо, ибо тогда «книги радуются» [Фишман 1994: 130].

семантики, нацеленной на обеспечение удачного, прибыльного года: отсюда не только многочисленные пожелания радости как материального богатства (прежде всего в сфере урожая и приплода скота), но и надежды на будущие браки в семье, выраженные в колядках, адресованных молодым.

В **семейной обрядности и фольклоре** основную доминанту *радости* формирует свадьба, в то время как родинный и похоронный циклы лишь добавляют некоторые штрихи к этому понятию. Отметим самое существенное в этих двух циклах, а потом обратимся к свадебному фольклору.

Выше, говоря о Рождестве Христовом, мы обращали внимание на тему радости по случаю рождения Спасителя. Сопряжение в одном фольклорном контексте *радости* и *появления на свет ребенка* или просто его присутствия встречается и вне дискурса Рождества, в разных пластах традиции и фольклорных жанрах, формируя один из самых выразительных кросс-жанровых мотивов восточнославянского фольклора, имеющих отношение к понятию *радости*, см.:

- в былинах (Господь дает ребенка на радость родителям): «Ишше было во городи Цернигови, / Там ведь жил-то молодой-от князь-от душоцька, / Ише душоцька да князь Семён Михайловиць; / Живуцись-то ихна жись да хорошо жилась. / Им на *радосьть-ту* Господь послал да *цяда милого*, / Цяда милого послал, да всё любимого, / Да родился у их маленькой княжевиць-сын» («Разбойник Илья, кум темный») [Марков 1901: 278];
- в балладах: «Что у нас было на святой Руси, / На святой Руси, в каменной Москве / Православный царь весел был, / Он и весел, и *радошен*: / Породила сударыня ему сына царевича» [Песни Киреевского 1977: № 241];
- в духовных стихах (князю сообщают о рождении Алексея): «Стань, Ефимьян, убудися! / От крепкого сна пробудися <...> / Сходи во свою новую ложню, / В свою белокаменну палату, / Там у тебя *радость сочинилась*, / Молодая княгиня сына спородила» («Алексей человек Божий») [Духовные стихи 2015: 124];
- в свадебных песнях: «А во третьих-то воротах там княгиня стояла <...> / Правой ручкой махала, махала, ой махала <...> / “Ты, Степа, воротись, я тебе *радость скажу да сына-сокола рожу*”» (Ярослав. губ.) [РК 2006, 2-1: 188];
- в народной терминологии послеродовых праздников и в звучавших на этих праздниках благопожеланиях — у русских на крестинной каше припевали: «Ой, бабушка ходит. /

Кашу-то носит — / На счастье, на радость, / На Божию милость» [Науменко 1998: 91];

- в колыбельных: «Дитиночка маленька! / Спи да рости / Да все в радости!» (Украина) [Дитячий фольклор 1986: 91];
- в приметах: в Нижегородской обл. считали, что, если на Рождество первым в дом войдет ребенок, — «к радости» [Корепова 2009: 64];
- и даже в похоронных причитаниях по умершему ребенку звучит тема материнской радости: «Да чужії дітки бігають, да чужі матері глядять да радіють, а я тоскую, досадную» (Чернигов. губ.) [Свенціцький 1912: 43].

Радость в контексте рождения обрастает большим количеством коррелятов, имеющих высокий аксиологический статус и в некоторой степени синонимичных *радости*, — это *веселье*, *счастье*, *потіха* («удовольствие, утешение, потеха»¹) и т.д., каждый из которых заслуживает самостоятельного изучения.

В **похоронных** и **рекрутских** причитаниях ключевыми, что и понятно, становятся мотивы отсутствия радости, потери этого чувства, соответствующие более широкой теме «лишительности» (а именно потери, отсутствия чего-либо)², которая пронизывает названные жанры. Ее выражением являются прежде всего формы слов с отрицательной частицей или приставкой *не*:

- жена уговаривает мужа вернуться хоть на минуточку, чтобы испытать забытую радость: «Ты приди-ко, лада милая <...> / Ко своей подруге-ладушке <...> / Той минутой радость скажется, / Той минутой сердце спрыгает» (Ярослав. губ.) [Шейн 1900, 1 (2): 784], и при этом осознает тщетность своих желаний: «Нет! не быть тому, не видывать / Мне во веки ладу милую! <...> / Моя радость не воротится!» (Олонек. губ.) [Там же: 793];
- праздники и будни становятся невеселыми: «Вяселлейка наша невясёлае, / І дужа яно не радасна» (Витеб. губ.) [ППГ 1986: № 317]; «Тиж уходиш від нас на віки <...> / і ни буде нам ниякої радости» (Подол. губ.) [Свенціцький 1912: 34];
- посторонние привозят в дом нерадостные вести о смерти близких: «Тут приехали-то к нам добрые людюшки, / Привели-то к нам весточку нерадостну, / Что нет во живности

¹ Все эти слова выражают комплекс положительных значений, описывают чувство удовлетворения от виденного и слышанного, а также, и это главное, действия, которые приводят к подобным переживаниям, т.е. внешние, собственно поведенческие проявления, в том числе *радости*.

² См. об этом специально: [Сурикова 2016].

кормильца света татеньки!» (Олонец. губ.) [Обрядовая поэзия 1989: 606].

Причеть выстраивает ряды контекстных коррелятов как *радости* и ее воплощений, так и «нерадости» — наименований отрицательных эмоций, которыми сопровождается потеря близких:

- *красные дни, все хорошее, радости и утешение* противопоставляются *заботушке*: «Теперь мы не увидим красных дней — / Все минули наши радости, / Все прошло наше хорошее, / Все унес ты утешение, / А оставил нам заботушку» (Костром. губ.) [Смирнов 1920: 98];
- *радость и весельице — великой кручинушке и проклятой досадушке*: «И хоть гулят столько скачоная жемчужинка, / И он не с радости, наш свет, да не с весельица, / И со злодидной великой со кручинушки, / И с проклятой теперь да со досадушки» (Олонец. губ., рекрутское причитание) [Обрядовая поэзия 1989: 635];
- *радость, ум-разум — сухоте и маете*: «Ты уйдешь — мне сухота, / Ты шли вести — мои радости, / Ты в безвестье — сердцу маета <...> / Чрез тебя я, дите милое, / Я лишуся света белого, / Я рехнуся ума-разума» (Ярослав. губ., рекрутское причитание) [Дерунов 1891: 4];
- *праздничное время* становится *сумным* (печальным), *страшным* и *нерадостным*: «А то приходе праздник — / Сумно, страшно, нерадостно» (Херсон. губ.) [Голосіння 2012: № 236].

Переходя к изучению понятия *радость* и его дериватов в **свадебном фольклоре**, мы видим необходимость предварительно сказать несколько слов об отличиях между типами свадебного обряда разных регионов Восточной Славии. Известно, что в структуре традиционной великорусской свадьбы (севернорусской главным образом) преобладают настроения печали и разлуки, связанные с нежеланием девушки покидать родную семью и выражаемые прежде всего через причитания невесты на ранних этапах обряда. Согласно концепции Б.Б. Ефименковой, выстроившей типологию восточнославянского свадебного обряда, на великорусской территории и Русском Севере представлен в основном тип «свадьба-похороны», во многом сходный с похоронным обрядом (см. подробнее: [Ефименкова 1987: 11–13]). Поэтому неслучайно причитания и песни ранних этапов свадьбы в этих регионах пронизаны мотивами потери радости жизни, и в этом смысле они «рифмуются» с тематикой похоронных причитаний, выстраивая сопоставимые по эмоциональному накалу ряды коррелятов, противоположных *радости*

(*нерадость, печаль, кручина, напасть, разлука* и др.). Кроме того, свадебные причитания и песни ранних этапов свадьбы заметно расширяют сферу приложения *радости / нерадости*, которые, помимо человека, атрибутируются также месту, времени, материальным объектам (девичьей красоте, например), сну, вестям и др.:

- накануне сватовства невесте снятся нехорошие и страшные сны о приезде молодца-захватчика: «Мне ночесь мало спалося, / Мне ночесь много виделось; / Мне приснился, привиделся / *Нехорош сон, нерадостен* <...> / Мимо наш-от высок терем / Проезжал добрый молодец» (Новгород. губ.) [Обрядовая поэзия 1989: 337];
- девушке предстоит попрощаться с веселой жизнью: «Ты сестрица моя, голубушка <...> / Я скажу тебе, молодешенька, / Скажу *восточку* тебе *не радостную*, / Что приказали тебе родны родители, / Что тебе распрощаться, красной девице, / Со беседушкой смиренной, / Со гульбой — игрой веселюю» (Вологод. губ.) [Обрядовая поэзия 1989: 574];
- и остается только завидовать веселым подружкам: «Загляделася я, красная, / Что на вас, мои подруженьки <...> / Вы сидите все веселья, / *На своих местах на радостных* <...> / А вот я-то, красна девица, / Сижу в месте во печальном» (Ярослав. губ.) [Шейн 1900, 1 (2): 650];
- будущее видится девушке в мрачных тонах: «Ох, нет на свете несчастнее меня! / *Закрылися все радости от меня*, / Сострелися все напасти и со мной <...> / Судьба ж моя, до чего ж ты довела? / *Никакой ты радости не дала*, / Только сердцу печали придала» (Екатеринослав. губ.) [Шейн 1898, 1 (1): 186]¹;
- девушку пугает разлука с родными: «Отошли мои красны дни, / *Отошли мои радостные!* / Пришла мне разлука теперь / С родной матушкою» (Вятск. губ.) [Шейн 1900, 1 (2): 472];
- проклятая кика (головной убор замужней женщины) приходит к ней с радостью, а девичья «красота» уходит с печалью: «Вставала я, молода, поутру раным ранешенько <...> / И глела я, молода, на все цетыре я стороны, / Шьте с ночью ту сторону тут идет кичька шитая, / *Кичька шитая проклятая на великих на радостях* <...> / <...> она ко мне собираецца, / На мою буйну голову, со востошную сторону / *Тут пошла девья красота не на великих на радостях*, / Со

¹ Обратим внимание на то, что эта свадебная песня записана далеко за границами севернорусского типа свадебного обряда.

горем, со круциною, со печелью великою» (Костром. губ.) [РК 2004, 1: 152];

- причеть противопоставляет реакцию на свадьбу жениха и невесты, и печаль невесты оборачивается весельем жениховой родни: «Да чия свеча ясней горыть? / Да женишкова ясней горыть, / А девоньчина да погасе; / А женишкова — да на радощах, / А девоньчина — да на жалошах» (Белоруссия) [Довнар-Запольский 1895: 3]; «Уж как этим ли чужим людям, / Мои слезы сладким кажутся, / Мое горе — им весельецо, / Мне кручинушка — им радости» (Ярослав. губ.) [Шейн 1900, 1 (2): 648].

В песнях второй половины севернорусской свадьбы появляются мотивы «возрождения» невесты к новой жизни, в том числе мотивы радости. Еще шире такие мотивы представлены в свадьбе западных и южных регионов Восточной Славии, где, по наблюдениям Б.Б. Ефименковой, распространен второй тип свадебного обряда, а именно «свадьба-веселье»¹. Его особенностью является, во-первых, общий настрой на веселье и заметная редукция прощальных и печальных мотивов свадебных песен, а во-вторых, активное развитие в структуре обряда контактов двух сторон участников свадьбы (рода жениха и рода невесты), выражаемых в обрядовых и игровых эпизодах, а также в их песенном и речитативно-песенном противостоянии [Ефименкова 1987: 9–11].

Тема радости порождает в свадебном репертуаре множество песенных контекстов, раскрывающих различные ее аспекты — чувства, переживаемые основными участниками обряда; способы и формы воплощения радости; ее корреляты и многое другое:

- мать радуется свадьбе так же, как она радовалась рождению ребенка (популярный мотив белорусских и украинских песен): «Ты родимая матушка, / Уж ты ходишь на радостях, / На великом весельице» (Вологод. обл.) [ФНВ 2014: 389]; «Радуйся, сердзечка мамчены, / Справляя веселля Марилки. / — Тогда мое сердзечка радовалоя, / Як мое дзицятко народзилось» (Белоруссия) [Шейн 1874: 365]; «— Добрий вечір, моя нене, чи рада ти мені? / — Рада ж була, мій синочку, як ти уродився, / То тепер же я ще радіша, як ти оженився» [Пісні Поділля 1976: 195];
- молодые радуются свадьбе: «Дівойко Марисейко, / Чому ся ни розплачеш? / — Чо ж я маю плакати, / Чо ж я маю жалу-

¹ В ряде славянских языков, в том числе в украинском и белорусском, понятие свадьбы передается словом **vesel'je*, ср. укр. *весілля*, бел. *вяцелле*.

вати? / — Дождала-м ся радости, / Вінка зеленого, / Газди молодого» (Украина) [Весільні пісні 1988: 186, № 590]; «Ой рад-радзеник Миронька, / Што ў новой цервоўкі побываў, / На новым ручничку постояў, / Дзевыньку за ручку подзержаў, / Золотые персцяньки поменяў» (Белоруссия) [Шейн 1874: 290].

В свадебном фольклоре *радость*, подобно другим эмоциям, часто материализуется, причем разными способами и в разных «вещных» объектах:

- *радость* приобретается путем ее создания, «делания»; ее можно *намыть*: «Уж послушай-ко, милая сестрица родимая, / Сходи на крутой то на красной на бережок <...> / Обмыть горьки слезы горячие, / *Намыть радости веселья великого*» (Архангел. губ.) [Шейн 1898, 1 (1): 382]; или *наробить*: «Дай, мати, іговку, / Дай ниточку й шовку <...> / Віночки пришпилити, / *Радості наробити*» (Украина) [Весільні пісні 1988: 44, № 48];
- воплощением радости становится свадебный пир, ср. рус. вологод.: «*Радостный стол 1. Свадебный стол. Потом молодые идут за радостный стол. 2. Стол, на который невеста клала подарки для родни жениха на второй день свадьбы, а также сам ритуал одаривания. Радостный стол устраивали, тамошней родне платы дарили*» [СВГ 2002, 9: 5]; «Сёгодня-то, по-се(годняшнему денечку), / Во нашем-то во теп(лом витом гнездушке) / Соберетсе мой род-пле(мя великое), / Будет *пир-от радость* ве(ликая)» (Обонежье) [РС 2000, 1: 190], ср. выше, где речь шла о былинах;
- время: «Весел я, весел сегоднёшной день, (да) / *Радосён, радосён типерешной час*» (Вологод. обл.) [ФНВ 2014: 542];
- вещи, ср. рус. вологод. *радостное полотенце*: «На второй день после свадьбы <...> молодых уводят в холодную клеть отдыхать, а гости предварительно должны умыться и утереться “радостным” полотенцем, которое держит молодница, причем ей дают денег» [СРНГ 1999, 33: 249]; укр. *радiсник* ‘свадебный каравай’ [Толстая 2019: 99] и др.

В аспекте материализации *радости* и его дериватов вновь обращает на себя внимание парность *радости* и *корысти*, когда в этих понятиях оцениваются и свадьба (в результате которой в доме появляется новый работник — невеста):

- «Ну, сватьюшка, желаем вам добраго здоровья; што задумали-загадали, дай бог, в *корысти* — в *радости провесть*» (приговор на сватовстве, Смоленск. губ.) [ПК 2011, 8-2: 157],

и сама невеста-карыстка:

- «Бягі, мой конічка, усё рыссю / К майму бацюшкі з карысцю, / К маёй матушкі з радасцю. / Адчыні, бацюшка, новы дом: / А едзець к табе сын на двор, / Вядзець к табе карыстку, / А маладую нявестку» (Белоруссия) [Вяселле 1988, б: 66].

В песнях, отражающих противопоставление рода жениха и рода невесты, *радость* также осмысливается как материализованная сущность — в лице самой невесты или ее приданого, и она противопоставляется *жалости*, которую испытывают родители невесты, теряющие не только дочь, но и ее приданое:

- «Ай, свёкарка сына жэніць, / Ай, цёшчанька дачку замуж даець, / Ай, свекарка у радасць / Ай, цешчанька ды й у жаласць» (Белоруссия) [Вяселле 1981, 2: 381]; «У Иванушки беда стряслась, / Катеринушка сундук увезла. / Тимофею радость пришла, / Катеринушка сундук привезла» (Костром. губ.) [РС 2000, 1: 87].

Среди разнообразных коррелятов *радости* в свадебном фольклоре, помимо *веселья* и *корысти*, регулярно встречается также пара *честь* — *радость*. Коррелят *честь* появляется в свадебных текстах второй половины и заключительной части обряда, что, как можно предположить, указывает на тему честности невесты (устанавливаемой в брачную ночь). Эта апелляция к честности невесты иногда прямо проговаривается в свадебных текстах, например:

- после брачной ночи отец жениха встречает родителей молодой: «Умели, сватушки, дочку свою воспоить, вскормить, сумели и *честь ее соблюсти* — так просим пожаловать на всех *радостях*» (Саратов. губ.) [Шейн 1900, 1 (2): 749].

Честность невесты является предпосылкой к радостной и веселой свадьбе, а ее *нечестность* приводит к быстрому сворачиванию свадебных торжеств и веселья, поношению родителей невесты и т.д. Возможно, именно поэтому в текстах сватовства (самого начала свадебного обряда) звучат тосты, связывающие начало и конец обряда и посвященные благополучному завершению свадьбы и соединяющие *честь* и *радость*:

- «Здравствуй, наречённый сватушка Василий Ульянович и наречённый зятюшка Матвей Васильевич. Будьте здоровы! Дай Бог, что задумано, то *совершить в чести и в радости*» (Новгород. обл., сватовство) [ФНО 2005: 133]; «Сватушка любезный, дай Бог, чтобы начатое по милости Божией *кончить благополучно в честь и радость*» (Владимир. губ., пропой) [Шейн 1900, 1 (2): 673].

Таким образом, свадебный фольклор обнаруживает несколько новых аспектов понятия *радость* и его производных: это расширение сферы применения понятия, когда состояние радости приписывается не только человеку, но и месту, времени, материальным объектам, известиям и др.; углубление понятия *радости* благодаря появлению антонимических коррелятов типа *нерадость*, *печаль*, *кручина*, *напасть*, *разлука*; развитие такого аспекта радости, как ее материализация, причем не только за счет пира (как в былинах), но и за счет ряда «вещных» объектов, времени и др.; поляризация *радости* и *жалости* между двумя противоборствующими сторонами свадьбы (родом жениха и родом невесты) и сосредоточение радости на стороне рода жениха как приобретающего новую работницу и ее приданое; наконец, корреляция *радости* и *чести* — не только в аспекте свадебного пира (как в былинах), но и в связи с понятием *чести* как целомудрия.

В **лирической песне** *радость* приобретает новые значения и расширяет свое содержательное поле. Во всех восточнославянских традициях народная лирика использует слово *радость* в качестве обращения к возлюбленному во 2-м лице или указания на него или на нее в 3-м лице, подобно тому как используется слово *сердце*, *сердечный* [Агапкина 2018]. Судя по данным конкордансов курских, архангельских и сибирских лирических песен из сборника А.И. Соболевского, более 90 % фиксаций слова *радость* обозначает возлюбленного [Бобунова, Хроленко 2007: 180–181; 2008: 232]. Аналогичную картину (правда, без соответствующих просчетов) наблюдаем в лирике других российских регионов, а также Белоруссии и Украины:

- «Долга, поздна вечирам / Майво дружка долга нет. / Да пришол мой милый, / Да пришол *радость* дарагая» (Смолен. губ.) [Добровольский 1903, 4: 261]; «Ци ты милиньки ўпиўся, / Ци з коня звалыўся? / Ци ты, *моя радосць* дорогая, / Больна зажурыўся?» (Белоруссия) [Шейн 1874: 227]; «Сама-м молода, / Дітей череда, / Татари ми мужа взяли, / *Радосте моя!*» (Украина) [Ігри та пісні 1963: 267].

Лирические контексты, в которых фигурируют слово *радость* и его диалектные варианты, продолжают любовную тему и связаны именно с личностными взаимоотношениями как главной темой народной лирики¹:

- девушке снится ее милый, который обращается к ней как к *обраде*: «...во сне видится милой: / Будто, будто мой милой

¹ См. об этом у Т.И. Вендиной: «Не случайно в “лексиконе любви” часто звучит мотив радости (ср. *радуша* ‘ласковое обращение к возлюбленной’ Ряз., СРНГ 33: 250; *обрада*, *обрадушка* ‘о том, кто доставляет радость’ Костром., Волог., Вят. <...> СРНГ 22: 191)» [Вендина 2020: 516].

на карватушке со мной <...> / На рученьке на правой, а левою обнятой. / Он левою обнимает, обрадою называет: / “Ты, обрада, ты, обрада, ты, обрадушка моя, / Ты обрадуешь мене, расцалую я тебе, / Не обрадуешь мене, разругаю я тебе!”» [Листопадов 1953: 90];

- девушка радуется, видя, как возвращается милый: «Да казали мне подорожные люди, / Що ж мой милый / У неделю прыбуде <...> / Щей я ему снадаты наготую, / Наготоваўши да выйду за ворыта, подыўлюса: / Як вын еде, то я ёму здрадуюса» (Пинщина) [Довнар-Запольский 1895: 83];
- любовь приносит радость сердцу: «Глянь на мене молодого, сироту бедного, / Дай ми радость, прошу ты до сердца моего!» (Галиция) [Головацкий 1878, 1: 357], и т.д.

В начале статьи мы уже писали о том, что семантическая близость *радости* и *веселья* пронизывает большинство жанров, тем не менее наиболее широко их связь реализуется именно в лирике. Слова на *рад-* и *весел-* могут составлять композиты, указывающие на практически полную их синонимию, или выступать членами синтаксически параллельных конструкций:

- «Как о жил я, маладец, я во сваей диревне, / Ни видал я, разудалый, *радости-виселья*» (Смолен. губ.) [Добровольский 1903, 4: 398]; «Пособи, Господи, вспоить, вскормить цядо родимого дитятка. / Нам не для ради работоньки, да для *веселья, для радости*» (Вологод. губ.) [РК 2007, 5-1: 452]; «На чужой сторонушке / *Житье невеселое* <...> / *Гулянье нерадостное*» (Псков. губ.) [Круглый год 1991: 370]; «Что ты, голубчик, не весел сидишь, / *Не весел сидишь и не радостен?* — Чему *веселиться-радоваться?*» [Песни из архива Киреевского 1968: 628].

Коррелятом, противоположным *радости*, т.е. фактически ее контекстным антонимом, является в лирике уже знакомая нам по свадебным причитаниям *жалость*:

- «Соловей у лозе: ча-чу, ча-чу, / А я молода плачу, плачу, / *Соловеюшка на радосци, / А я молода по жалосци, / Соловеюшка з охвотушки, / А я молода з няволюшки*» (Белоруссия) [Шейн 1874: 249]; «Заплакала удова / Да на сина гледачы: / — Ой муй сину Иване <...> / *Ці мне тебе женіті, / Ці до войска вручыті?* / — *Оженівшы — радосьно, / Дати в войско — жалосьно!*» (Украина) [Потебня 1887: 204].

К *жалости* примыкает *смута*, *злосчастье* и довольно редкое для лирики — с ее преимущественно оптимистичными интонациями — *горе*:

- «Объ чом ты, парнишечка, смутен, не весел, / Смутен, не весел, не радосен?» (Гомел. у.) [Радченко 1888: 207]; «Літа мои молоді, / Літа молодости! / Тожь бо я вас прогуляла / В смутку, не в радості!» (Галиция) [Головацкий 1878, 2: 392]; «Придет на девицу-злосчастьицу, / Придет денечек нерадостный» (Вятск. губ.) [СРНГ 1976, 11: 291]; «Созову я гостя, гостя, гостя дорогова, милова своёва. / Ой, миленький в гости будеть — горе то убудет, / Горе, горе-то убудет, радости прибудет» (Перм. губ.) [Шейн 1898, 1 (1): 355].

Иными словами, лирическая песня сосредоточена на разработке темы межличностных отношений, одной из главных составляющих которых является *радость-веселье*, и в меньшей степени затрагивает мотивы отсутствия или потери радости в связи с неудачами лирического героя на любовном фронте.

Русская **частушка** развивает любовную тему лирической песни, акцентируя мотивы *радости-любви*:

- «По деревне иде-иде, / Иде мое желаньице, / На радость он идет, / Иль на расставаньице?» [Адоньева 2006: 390]; «Как я радостно запела, / Я развеселилася: / Перед миленьким своим / Солнцем засветилася» [Бахтин 1966: 399],

а также сопрягая *радость* с *молодостью*, что характерно и для лирической песни (чему, вероятно, способствует совпадение безударных финалей обоих слов, оканчивающихся на *-дость*):

- «Дадут мужа не на радость, он засушит мою младость» [Кулагина 2000: 161], ср. в песне: «Девица в тереме плаце. / Красна в высоком тужит, / Молодость свою вспоминает, / Молодость, молодость радость!» [РК 2007, 5-1: 433].

В качестве «оппонента» *радости* частушка оперирует словом *горе*, которое, как мы только что отмечали, слишком негативно окрашено для лирической песни и в целом для нее нетипично. В частушке же, склонной к более сильному выражению эмоций и поляризации «персонажей» частушечного сюжета, *горе* выглядит вполне уместным (иногда его заменяют *несчастье* или *тоска*). В частушках отмечены как минимум две ситуации, в которых это противопоставление выражено наиболее ярко:

- одному достается радость, другому горе: «Ох, подружка моя Оля, / Тебе — радость, а мне горе. / Тебе, Оля, везут замуж, / А я, горька, с кем останусь?» [Фольклорные сокровища 1998: 317]; «Кому лес, кому поляна. / Мне — чистое полюшко. / Кому радость и веселье, / Мне — большое горюшко» [Кулагина 2000: 33]; «А сестрица моя Настя / Тебе радость, мне несчастье» [Лённгрен 2019: 34];

- горе надо уменьшить, разделив пополам и заместив его радостью: «Я веселинькая девушка, / И горя не скажу; / Хоть какое буде горе, / *Все на радость положу*»¹ [Симаков 1913: 196]; «Посидим-ко, дроля, рядом, / Земляничинка моя, / *Разобьем тоску на радость*: / Не тоскуй — не буду я» [Частушки 1987: 380].

В основе семантической структуры значительной части **паремий** лежит противопоставление сущностей, качеств, аксиологических категорий и т.д. [Пермяков 1979: 32]. И в этом смысле пословицы отчасти близки частушкам: краткость формы требует емких, обостренных до крайности и оценочно «выверенных» формулировок.

Классическую для пословиц оппозицию *радости* составляет опять же *горе*. В пословицах горе, как правило, сопутствует радости, одного без другого не бывает, человек обязательно испытает то и другое на протяжении своей жизни; горя в жизни значительно больше, чем радости, но радость сильнее горя; радость и горе уравнивают друг друга; слишком много радости не бывает (ср.: «В один день по две радости не живет» [Снегирев 1999: 73]); и т.д.:

- «На *радостях* запьешь, с *горем* об руку пойдешь» [Аникин 1988: 156]; «Детки — *радость*, детки ж — и *горе*» [Там же: 147]; «*Горя* вином не зальёшь, а *радость* пропьёшь» [Даниленко 2017: 160]; «Не *радость* в чужом-де пиру пировать, коли дома Макару велют *горевать*» [Богданович 1785, 2: 38]; «*Горе* на двоих — *полгоря*, *радость* на двоих — *две радости*»; «Где *радость*, тут и *горе*; где *горе*, там и *радость*» [Даниленко 2017: 242]; «Не зная *горя*, не знаешь *радости*» [Франко 1910: 417]; «*Горькие* вести и гонцу не на *радость*» [Даль 1997: 355].

Помимо горя в подобные паремийные структуры попадают и другие соотносимые с *горем* негативные эмоции и ощущения — *кручина*, *печаль*, *накость*, *смута*, *зависть* (с последним *радость* связывает также наличие общей финали):

- «Кто в *радости* живет, того и *кручина* неймет» [Барсов 1770: 144]; «Богат ждет *накости*, а убог *радости*» [Снегирев 1999: 50]; «*Радость* не вечна, *печаль* не бесконечна» [Даль 1997: 453]; «Вечор *плач*, а завтра *радость*» [Ермолов 2013: 96]; «По *радости* наступае *смуток*»; «Уживайте *радости*, покля *смутку* не знате» [Франко 1910: 514]; «*Радость* — не радуйся,

¹ Словарь русских народных говоров толкует это выражение, как 'превратить в радость', основываясь на аналогичной частушке; допустимо предположить, что такая трактовка подразумевает прочтение *положить* как 'переложить, переделать' [СРНГ 1995, 29: 102].

а *смуток* — не смутись» [Номис 1993: 276]; «*Вечер смутный, вутра радасная*» [Добровольский 1894, 3: 11]; «В лихости и в зависти проку нет, ни *радости*» [Богданович 1785, 1: 49]; «Завистливой сохнет от зависти, а доброй плачет от *радости*» [Барсов 1770: 98].

В целом ряде паремий сущности-антиподы к тому же могут «множиться», порождая в рамках одного текста несколько противопоставлений:

- «Жить от *младости* до *старости*, повидашешь и *горя* и *радости*» [Анисимова 1959: 59]; «*Радость* молодит, а *горе старит*» [Даниленко 2017: 243]; «После *грозы* — *ведро*, после *горя* — *радость*» [Ермолов 2013: 456]; «*Радость* *прямит*, *кручина* *кручит*» [Даль 1997: 56]; «Лучше *воду* пить в *радости*, чем *мед* в *кручину*» [Даниленко 2017: 243]; «От *радости* *кудри* *вьются*, в *печали* *секутся*» [Там же].

В разы меньше пословиц, где *радость* оказывается в ряду синонимичных ей коррелятов, таких как *счастье*, *веселье*, *молодость*:

- «Те *счастливы* дети, от коих отец и мать будут *радость* имети» [Барсов 1770: 279]; «*Молодому* да удалому и *радость* в руки» [Даниленко 2017: 245]; «От *радости* и старики со старухами *молодеют*» [Там же: 243]; «Жених *весел*, всему браку *радость*» [Даль 1997: 397]; «Хозяин *весел*, и гости *радостны*» [Даниленко 2017: 160].

Важной семантической составляющей *радости* в жанре пословиц становится понимание ее как 'глупости', интеллектуальной неполноценности, оцениваемой негативно. И наконец, еще одна группа паремий определяет *радость* не столько как эмоцию, сколько как показатель интеллектуального уровня индивида, и в этом случае *радость*, «радование» внутренне рифмуется с «глупостью», точнее, становится показателем последней (ср.: «кто засмеется, тот дурак»):

- радость дурака или безумца неуместна: «Лиса вбили, *куром радость*» [Франко 1910: 3]; «Жена красовита *безумному радость*» [Снегирев 1999: 106]; «Один хлеб попу, *одна радость* — что свадьба, что похороны» [Даль 1997: 364];
- глупо радоваться пустым обещаниям: «Обещанка, а не данка, дурному *радисть*» [Илькевич 1941: 71]; «Абьяцанки-цацанки, а дурню *радасиць*» [Лепешаў, Якалцэвіч 1996: 20]; и т.д.

Таким образом, пословицы в силу своей выраженной двухчастной структуры сосредоточены прежде всего на поиске противопоставлений *радости*, в качестве каковых в них чаще всего фигурируют *горе*, а также *смута*, *пакость* и др. Кроме того,

пословицы оказываются едва ли не единственным жанром, в котором *радость* получает значение, сопряженное с глупостью, интеллектуальной неполноценностью.

Заговор как одна из основных форм вербальной магии призван обеспечить человеку и его окружению запрашиваемое благополучие. Для этого жанр использует разные приемы, среди которых так называемое обращение к прецеденту, т.е. к некоему событию в прошлом или настоящем (подразумевающему *радость* по тому или иному поводу), следование которому должно привести к нужным результатам (т.е. к радости в текущий момент жизни). Этот прием, апеллирующий к прецедентной радости, применяется для:

- привлечения возлюбленного: «Как православные *веселятся и радуются колокольному звону* и церковному пению, так чтобы *радовалась и веселилась* рабца Божия имярек мне, рабу Божию имярек» (Юж. Урал) [Бекетова, Колмогорцев 2001: 97];
- принуждения скотины слушаться пастуха: «Как на праздник на Благовещеньев день <...> идут мужи и жены и девицы и молодые отроки в Божию церковь от священника Христовы слова слушать и *радуются тебе*, истинному Христу Сыну Божию, так бы *радовался скот* ко мне, рабу Божию имярек пастуху, твоим повелением» (Вологод. губ.) [Попов Н. 1903: 216];
- укрепления духа перед встречей с начальством или судьями: «В чистом поле тридцать дубов с дубом и тридцать кипарисов с кипарисом; стоят они крепко-накрепко, шатаются не шатаются и трястись не тряхнутся, так бы и мне, рабу Божию (имярек), перед князьями, боярами и перед судьями в суде и во всяком месте и случае *стоять крепко и радостно*, не шатнуться и не тряхнуться» (Ярослав. губ.) [Якушкин 1868: 173].

Другим способом воздействия заговора на индивида и окружающий мир является навязывание им того образа жизни и поведения, который требуется для достижения благополучия и успеха дела. В подобных случаях заговор помещает *радость* в один ряд с другими эмоциями, формами поведения, чертами характера и желанными, запрашиваемыми качествами личности, такими как веселье, здоровье, бесстрашие и многое другое:

- «Будьте с моих слов *потешнее и радощее*» (Юж. Урал, как дружке идти в куть к невесте на свадьбе) [Бекетова, Колмогорцев 2001: 100]; «А ї дай, Боже, *здороўле, веселіськ и рагіськ* из цалим домом, из усим чадом» (Гуцульщина) [Онищук 1912: 137]; «Так бы и по мне, рабе Божией Наталье, все

православные христиане злым сердцем бы не вздыхали, а *вздыхали бы радостным сердцем*, взирали бы веселыми очами, как вздыхает мати о своем дитяти» (Нижегород. губ., на приход в чужой дом) [Заговоры 2024, 2: 169].

Среди хозяйственных заговоров и приговоров обнаруживается немало текстов, в которых ожидаемая в хозяйстве *радость* (связанная с благополучием скотины и огорода) коррелирует с *завидостью*, *славой* и *показом* (т.е. с известностью, видимостью посторонними и похвалой перед ними), и эта корреляция не имеет антонимического характера:

- приводя скотину в хлев и обращаясь к домовому, говорили: «Суседушко <...> люби мою скотинушку <...> гладь да людам *на завидость*¹, *мне на радость*» (Киров. обл.) [Вятский фольклор 1994: 17]; «Доброходушко-батюшко, доброходница-матушка, коровушку-матушку пои, корми нам *на радость*, а людам *на славу*» (Вологод. обл.) [МПСД 2020: 437];
- при посадке огородных культур: «Сажу маленькую, расти большая, всем людам *на славу*, а мне *на радость*» (Вологод. обл.) [МПСД 2020: 146]; «Матушка земля, прими растение, расти его *Богу на показ*, людам *на благодсть*, хозяйке *на радость*» (Перм. обл.) [Подюков, Свалова 2019: 89].

В пчеловодческих заговорах (преимущественно украинских) *радость* соотносится с *прибытком* и *корыстью*, подобно тому, что мы видели в колядках, волочебных и свадебных песнях:

- в навечерие Рождества читают заговор, в котором *радость* приписывается самим пчелам, приносящим мед: «Як сего святого вечера люды тыснутя и радуются до сей святой воды, так бы тыснулись и *радовались мои пчелы, носячи густые меды*» [Чубинский 1872: 70]; «Я вас, бжолі, випускаю і благословляю іменем Господнім, йдїть з *радїстю*, *навертайтесь з корыстю*» [Сумцов 1908: 39].

Таким образом, в заговорах *радость* фигурирует в ряду других позитивных эмоций, которые магически «запрашиваются» для человека и скотины, а также связывается с прибылью, подобно тому как это имело место в колядках и свадебном фольклоре.

* * *

До сих пор практически все исследуемые контексты, в которых фигурировали слова на *рад-*, были связаны с широким кругом

¹ Рус. *завидость* в подобных контекстах может быть связано с *завидеть* как 'увидеть' [СРНГ 1972, 9: 314], *завидливый* 'завидный' [Там же], т.е. семантически соотносится с видимостью объекта, его известностью и привлекательностью (ср. в других примерах: *показ*, *слава* и т.п.).

положительных значений и относились к персонажам, реалиям, состояниям, настроениям, эмоциям и действиям, которые доставляли или источали удовольствие или иным образом ассоциировались с *радостью*. Во второй части статьи, в тех текстах и сюжетных ситуациях, которые нам предстоит рассмотреть далее, акцент смещается в сторону отрицательных значений. И хотя таких фольклорных текстов немного, обращение к ним позволяет наметить новые грани изучаемого ключевого слова восточнославянского фольклора.

Продолжая рассмотрение заговоров, нужно отметить, что в рамках этого жанра *радость* воспринимается иногда и как источник порчи и сглаза, ибо любые сильные переживания (радость и печаль, любовь, ненависть, зависть и ревность) обладают, согласно традиционным воззрениям, способностью негативно воздействовать на окружающих. Поэтому в заговорах от разных видов сглаза *радость* появляется среди других эмоций (прежде всего *зависти*), оказывающих неблагоприятное, болезнетворное влияние на человека и вызывающих сглаз:

- «Господи, пособи от уроков <...> И на что же вы спохвацилися? Или на *радосьцях*? Или на *зависьцях*?» (Смоленск. губ.) [Шейн 1893, 2: 531]; «Душа раба Н. адгаварываець уроки, прароки и *радасныя*, и *зависныя*, и з *радасци*, и з *зависци*» (Белоруссия, на снятие порчи с ружья) [Шейн 1903, 3: 485]; «Отради, Христос, раба твоего имярек <...> от глаз *радостных* и *нерадостных*» (Воронеж. обл.) [Афанасьевский сборник 2012: 152]; «Сохрани и помилуй от черного глаза, от серого глаза <...> от *радостного* глаза, от *завистного* глаза, от *лихого* глаза» (Орлов. губ.) [Попов Г.И. 1903: № 18];
- если сердце имярека не может испытывать радость, его нельзя испортить: «*Мае серце не урадосливое*, моя кровь не уречливая, уроки амин урёки амин» (русские переселенцы в Литве) [Vaikevičienė 2008: 675, № 1653].

И наконец, совсем редко в заговорах получает развитие тема, связывающая *радость* как эмоцию с нечистой силой, чертями, которые испытывают радость, наблюдая за страданиями человека или даже их провоцируя:

- в заговоре от эпилепсии сообщается, что падучая бьется в человеке, мучает его и потому радуется черта: «Бьется, бросается, в кровь разбивается, *сатаной послана чёрту на радость*. Истинный Христос, пособи мне, помоги мне, чтоб раб твой не бился, не бросался, в кровь не разбивался *чёрту на радость*, *сатане на удовольствие*» (Перм. обл.) [Подюков 2004: 95].

Тему *радости* как сатанинской по происхождению и сути эмоции продолжают паремии, былички, другие жанры (а также

произведения древнерусской литературы), которые последовательно проводят мысль о том, что для черта нет большей радости и удовольствия, чем искушать человека, в том числе праведника, заставляя его совершать несправедливые поступки и испытывать недостойные чувства, в частности предаваться радости и веселью:

- черт радуется промашкам человека: «Во всякой гордости черту радости» [Барсов 1770: 23]: «Радостен бес, что отпущен инок в лес» [Мельц и др. 1961: 131];
- черти рады помочь человеку совершить великий грех: запойный пьяница решил повеситься, пошел в лес, и когда «увидали черти нового товарища, заплясали и запели; на радостях кинулись навстречу, приняли из рук вожжи, захлестнули за крепкий сук — наладили петлю» [Максимов 1903: 15–16];
- дьявол с радостью принимает богоотметное письмо человека, продавшего ему свою душу: «Написал христианскою кровию смертную крепость дьяволу, которой от него с великою радостью принял и положил в сокровенной корман» (о богоотметном письме из «Повести о Пане Твердовском»; цит. по: [Журавель 1996: 87]).

Радость оказывается в числе запретных эмоций, которые сопровождали жизнь и развлечения средневекового человека — языческие по сути празднества, пение, ряжение, качание на качелях, танцы и хороводы, ибо она (радость как эмоция и вызывающие ее развлечения) опять же приписывалась Сатане и потому вызывала решительное осуждение со стороны священнослужителей. Это едва ли не основная мысль многочисленных поучений против язычества, известных в древнерусской книжности. В «Послании» игумена Спасо-Елиазарова монастыря Памфила (1505) к псковскому наместнику и властям обличается «языческое» буйство жителей Пскова в ночь на Рождество Иоанна Предтечи:

- «Есть еще в городе этом остатки зла, и не исчезла еще здесь ложная вера идольская, праздники в честь кумиров, *радость и веселие сатанинские*; во всем этом — ликование и возвышение дьявола и торжество его бесов в людях, не знающих истины» (Послание игумена Памфила)¹.

И наконец, несколько особняком стоит представление о собственно сатанинской радости, т.е. о тех формах поведения, которые доставляют удовольствие чертям и бесам, не затрагивая

¹ См.: <https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-9/8>.

при этом человека и его благополучие. В молитве от дьявола *радость* оказывается в ряду других эмоций и форм поведения (*веселье, потеха*), которые принадлежат Сатане:

- «Есть у нас от дьявола или лихого человека три листа писанных: первой лист — Мать Пресвятая Богородица, второй лист — Иоанн Креститесь, третий лист — сам Иисус Христос. Чтобы тебе, дьяволу и лихому человеку, не вязаться и не касаться: *нет тебе тут техи и веселия, ни радости и ни корысти*, а вон тебе *теха, радость и корысть* — у старого хозяина. *Кто тебе посылает и кто наряжает, там ты тешься и веселися, радуйся и корыстуйся*, и ты его ломай на вечную могилу, на третью кадилу, от ныне и до века. Аминь» (молитва от дьявола) [Шуруп 1867: 159].

Эту тему радости как сатанинского чувства отчасти продолжают **духовные стихи**, а именно жанр, аксиологическая ориентация которого заметно инвертирована по сравнению со светскими фольклорными жанрами в сторону собственно христианских ценностей. Иногда радость приписывается здесь отрицательным персонажам, испытывающим негативные чувства:

- врагам, погубившим Христа: «*Враги каянныя взрадовалися: / Таперь мы Христа Бога поймали, / На разный муки спридали!*» / Начали скакати-плисати, / Скакали-плисали, вси пропали» («Милостивая жена милосердная») [Бессонов 1863, 2-4: 127]; «*Вы духовны архереи! / Что вам думать и гадать? / Я хочу Христа продать, / Вы извольте покупать. / Архіереи взрадовались, / За Иуду все хватались*» («Страсти») [Там же: 196];
- Святополку, который испытывает радость от расправы над Борисом и Глебом: «*Радуюся я, веселюся, / Великой Россией завладаю*» («Борис и Глеб») [Бессонов 1861, 1-3: 631].

Однако, как заметила С.Е. Никитина, в духовных стихах *радость* и *веселье* чаще становятся атрибутами святых, праведников, ангелов и Богородицы:

- «Господь проглагола Матери Своей: / «Любезная Мати, не плачь обо Мне! / В третий день воскресну, прославлю тебя, / *Радости твоей не будет конца*»» [Духовные стихи 2015: 80]; радость Богородицы перед лицом воскресшего Христа: «*На престоле Христос ляжиць, / Пирад Христос Свента Марія, / Свента Марія дужа рада <...> / — Чаго, Свента Марія, рада? / — О як же мне радой не быць? / Што Ісус Христос з мертвых ўстаў*» (Белоруссия) [Шейн 1874: 395],

причем это не «радость-волнение», а высшее состояние праведной души, этически совершенного человека, противостоящее бесам [Никитина 1995: 151]:

- Иосиф Прекрасный избегает искушения в лице жены князя: «Из рук у нее вырывался <...> / Всем ангелам, архангелам / Великую *радость* сотворяет, / А злым бесам лукавым / Великую *печаль* воздавает» («Иосиф Прекрасный») [Бессонов 1861, 1-1: 179].

Это может быть также:

- радость, ожидающая праведников в раю: «Аще случится человеку тому в дому своем или в пути без отца духовнаго умирать и при смерти своей воспомянет, прося сон твой, Богородичен, на мое страдание и долгое терпение, прочитает или даст кому прочитать, и при себе иметь будет, то во время кончины его не могут прикоснуться к душе его дьяволи; поймают ея и разлучат с телом святии ангели, отнесут ея в царствие Мое небесное, на поле Авраама *вечное веселие и радование*» (Саратов. губ., «Сон Богородицы») [Заговоры 2023, 1: 270];
- радостное изымание ангелами праведной души бедного Лазаря: «Брали яго душеньку *честно-радостно*, / *Честно-радостно*, сахарным вустнам» («Два Лазаря») [Романов 1891: 347];
- радость по случаю встречи с близкими, долгожданных событий и получения приятных известий (Алексей, неузнанный, рассказывает отцу о себе): «Князь Ефимьян возрадовался, / Горючими слезами обливался: / — Спасет тебя Бог, человеце, / Что ты мне *радости возвещаешь*, / Про моего сына про Алексея» («Алексей человек Божий») [Бессонов 1861, 1-1: 105].

Наконец, *радость* предстает в духовных стихах и как форма смирения перед лицом страданий:

- Алексей человек Божий, оставаясь неузнанным в доме отца, с благодарностью, терпением и радостью принимает нужду и поношения от слуг: «Терпел же святой с благодарением, / *С радостию* Алексей *нужды принимает*» [Бессонов 1861, 1-1: 106].

* * *

Подведем некоторые итоги. Несложно заметить, что основным субъектом радости в восточнославянском фольклоре является человек, хотя в отдельных, достаточно редких случаях соответствующие эмоции или характеристики приписываются и персонажам других классов: и сакральным персонажам (Богородице), и «святым» животным вроде пчел, и некоторым предметам, и Сатане.

В фольклорных контекстах слово *радость* входит в состав большого количества устойчивых оборотов, указывающих на способности, приемы, цели, причины и собственно эмоциональные состояния, относящиеся к совершению тех или иных действий, см.: *делать что-то (идти, встречать, ожидать, видеть, угощать, пировать, пить, отдавать, веселиться, гулять* и т.д.) *на радости / радостях, на радость, от радости, с радости / радостей, в радости, до радости, при радости, с радостью* и др.

Большой толковый словарь русского языка определяет *радость* следующим образом (и в общем виде выделенные значения совпадают с семантическим спектром *радости* в фольклорных контекстах):

- «1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. *Большая, бурная, искренняя, неподдельная р. Чувство, ощущение радости. Испытывать, чувствовать, выражать р. От радости смеяться, плакать. Вне себя от радости (очень рад). С радостью помогу (охотно, с готовностью). Не в р. что-л.* (не доставляет радости).
2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье. *Радости жизни. Р. матери — дети. В семье большая р. — получили новую квартиру. Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране* (Пушкин).
3. (обычно со сл. *моя*). Разг. Ласковое, нежное обращение. *Р. ты моя!* На радостях. По случаю какого-л. счастливого события. С какой радости? Чего ради, почему?» [БТС 2004: 1058].

В самом общем виде эти три значения соответствуют семантике фольклорного слова *радость*, и тем не менее имеющиеся особенности его употребления в фольклоре также существенны.

Первое значение ('чувство удовольствия') реализуется практически во всех жанрах, кроме похоронных и рекрутских причитаний и отчасти духовных стихов. В последних слово *радость* обозначает не столько чувство буруемого страстями индивида, сколько «высшее состояние праведной души», и потому *радость* приписывается чистым душой праведникам и сакральным персонажам.

В лирических жанрах — причитаниях, свадебных и лирических песнях и частушках — *радость* последовательно ассоциируется с *сердцем* как источником и вместилищем эмоциональной жизни человека (и эта связь не ограничивается только лирикой). Если в свадебных причитаниях *радость* является квинтэссенцией уходящей в прошлое идеализированной девичьей жизни, с которой невеста прощается, то лирические песни и частушки обращены к текущему моменту жизни и прямо связывают

радость с любимым (часто именуемым *радостью*), любовью и ее «атрибутами» — *желанием, объятиями, поцелуями, молодостью, счастьем* и т.д. В эпосе столь же сильные чувства, как *радость*, герои проявляют в более драматических ситуациях — в случае победы в бою или в игре, а также при встрече с близкими, с которыми их надолго развели время и расстояние.

В фольклоре большое место занимают контексты, где *радость* приобретает значение некой ценности. Прежде всего, *радость* глобально, кросс-жанрово соотносится с рождением, появлением на свет нового человека — младенца Христа или простого новорожденного, является едва ли не обязательным атрибутом рождения как такового. Конкретно в колядках *радость*, помимо появления на земле Христа, ассоциируется еще и с «вещными» ценностями — с *корыстью* и *дарами* — и материализуется в таких событиях и объектах, как свадьбы детей (сулящие прибавление в семействе), приплод скотины, новые рои пчел и общее благополучие, что в полной мере соответствует смыслу колядки как жанра благопожеланий, исполняемых в течение рождественских праздников, которые открывают новый хозяйственный год. Аналогичный смысл вкладывается в слово *радость* в тех свадебных контекстах, где оно относится к невесте (как новому работнику в семье жениха) и ее приданому.

Радость понимается также как некое «опредмеченное» событие и в этих случаях означает пир (и специально свадебный пир), угощение, прием гостей и просто праздник — эти контексты характерны прежде всего для былин и свадьбы. Однако в таких случаях слово *радость* часто фигурирует не само по себе, а в составе бинома *честь-радость* (*принимать с честью-радостью* и т.д.), и именно *честь* как 'радушие, гостеприимство; угощение' добавляет в этот бином «материальное» значение. Таким образом, в свадебном фольклоре или в былинах *честь-радость* имеет отношение к пиру и угощению, в то время как в свадебном фольклоре понятие *честь*, в том числе в составе бинома, оказывается также сопряжено с понятием целомудрия.

И наконец, еще один контекст, связанный с материализацией *радости*, задают довольно редкие примеры, в которых это слово согласуется с глаголами созидания и активного действия: *намыть радость, наробить радость, сотворить радость*.

Если обратиться к тому, как выглядит *радость* в проекции на аксиологическую шкалу, то в подавляющем большинстве случаев производные в.-слав. *рад-* связаны с комплексом положительных значений, чему немало способствуют корреляты, с которыми *радость* регулярно объединяется в биномы. Среди них прежде всего:

- *радость-веселье* (см. примеры выше); *веселье* в рамках его сопряжения с *радостью* оказывается очень близко последней, однако, по-видимому, сохраняет присущую ему поведенческую семантику, связанную с внешними проявлениями радости;
- *честь-радость* (где *честь* обнаруживает разные значения: 'радушие, гостеприимство', 'целомудрие', *честью* 'правильно, так, как следует');
- *счастье-радость* («Не зря послала тебя Ильменушка, любовь-то её крылатая — весь свет облетела и дорогу к *счастью-радости* отыскала» — Новгород, обл., «Кудряш и Ильмена» [ФНО 2005: 147]);
- а также корреляты *любовь, здоровье, бесстрашие, иногда раденье*.

Последний коррелят *раденье*, скорее всего, в результате народно-этимологического сближения с *радостью* спорадически вступает с ней в пары: «Ты скажи слово по прежнему, / Чтобы сердце мое прыгало / *От радинья и от радости*» (Ярослав, губ.) [Шейн 1900, 1 (2): 784]. Однако поскольку уже на уровне древнерусского языка значения этих слов сильно разнятся и *радеть* получает, помимо 'хотеть', также значение 'заботиться' (которое является основным уже для древнерусского [Фасмер 1971, 3: 430]), мы его в составе группы дериватов *радости* не рассматриваем.

Антонимический ряд коррелятов представлен словами *жалость, печаль, тоска, кручина, напасть, разлука, горе*.

Тем не менее, согласно немногочисленным контекстам, *радость* может тяготеть и к противоположному полюсу аксиологической шкалы. Это происходит в быличках и духовных стихах, прежде всего, где *радость* возникает как следствие несправедности человека, сопутствует его греховному поведению, «наводится» Сатаной и его приспешниками или даже приписывается черту, а также в пословицах, где *радость* иногда напрямую соотносится с глупостью.

Источники

- Адоньева С.Б. (сост.). Деревенская частушка XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 531 с.
- Азбелев С.Н., Мецкерский Н.А. (отв. ред.). Фольклор Русского Устья. Л.: Наука, 1986. 382 с.
- Аникин В.П. (ред.). Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
- Анисимова А. (сост.). Народное красное слово: сб. загадок, пословиц и поговорок, побасенок, присказок, сказок-шуток и песен. Пенза: Кн. изд-во, 1959. 158 с.

- Афанасьевский сборник: мат-лы и исслед. Воронеж: Научная книга, 2012. Вып. 11: Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии. 381 с.
- Барсов А.А. Собрание 4291 древних российских пословиц. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. 320 с.
- Бахтин В.С. (сост.). Частушка. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 607 с.
- Бекетова В.Н., Колмогоровцев М.А. (сост.). Замкну замки замками: заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края. Шадринск: Исеть, 2001. 119 с.
- Бессонов П.А. Калеки переходные: сб. стихов и исслед. П. Бессонова: В 2 ч., 6 вып. М.: Тип. А. Семена, 1861–1864.
- Богданович И.Ф. Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем: В 3 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1785.
- [БТС] Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
- [Былины Крюковой] Бородина Э., Липец Р. (зап., коммент.). Былины М.С. Крюковой: В 2 т. М.: Гос. лит. музей, 1939. Т. 1. 752 с.
- [Былины Севера] Астахова А.М. (зап., коммент.). Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. 656 с.
- [Валачобныя песні] Барташэвіч Г.А., Салавей Л.М. (склад.). Валачобныя песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 558 с.
- [Весільні пісні] Шубравська М.М. (упоряд.). Весільні пісні. Київ: Дніпро, 1988. 475 с.
- [Вяселле] Малаш Л.А. (склад.). Вяселле: песні: У 6 кн. Мінск: Навука і тэхніка, 1980–1988.
- [Вятский фольклор] Иванова А.А. (сост.). Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич: Котельническая тип., 1994. 112 с.
- Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894–1900.
- Головацкий Я.Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким: В 3 ч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878.
- [Голосіння] Коваль-Фучило І. (упоряд.). Голосіння. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського, 2012. 791 с.
- Даль В. Пословицы и поговорки русского народа. СПб.: Диамант, 1997. 544 с.
- Даниленко В.П. Картина мира в пословицах русского народа. СПб.: Алетейя, 2017. 373 с.
- Дерунов С.Я. Приложение к статье «Село Козьмодемьянское Щетининской волости Пошехонского уезда» // Ярославские губернские ведомости. 1891. № 16. Неофициальная часть. С. 2–4.
- [Дитячий фольклор] Довженко Г.В. (упоряд.). Дитячий фольклор. Київ: Дніпро, 1986. 304 с.
- Добровольский В.Н. (сост.). Смоленский этнографический сборник: В 4 ч. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891–1903.

- Довнар-Запольский М.В.* Песни пинчуков. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира (В.И. Завадского), 1895. XXVIII+203 с. (Белорусское Полесье. Вып. 1).
- [Духовная культура] *Морозов И.А.* (отв. ред.). Духовная культура Северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М.: ИЭА РАН, 1997. 432 с.
- [Духовные стихи] *Кузнецова В.П., Иванова Т.Г.* (сост., ред.). Духовные стихи Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. 798 с.
- Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. 872 с.
- [Заговоры] Заговоры из архивных источников XVIII — первой трети XX в.: В 2 т. М.: Индрик, 2023. Т. 1: Изд. подгот. Т.А. Агапкина. 512 с.; 2024. Т. 2: Изд. подгот. А.Б. Ипполитова, А.Л. Топорков. 536 с.
- [Заупокойное богослужение] *Орлов Г.Н.* Заупокойное богослужение: объяснение обрядов, предшествующих погребению, чина погребения и обрядов, последующих за погребением. М.: Междунар. изд. центр православ. лит., 1994, 116 с. (репринт 1900).
- Земцовский И.И.* (сост.). Поэзия крестьянских праздников. Л.: Сов. писатель, 1970. 636 с.
- Илькевич Г.* (сост.). Галицкі приповѣдки и загадки, збрани Григорим Илькевичом. У Вѣдні: Напечат. черенками о.о. мехитаристов, 1841. VI+124 с.
- [Илья Муромец] *Астахова А.М.* (подгот., ст. и коммент.). Илья Муромец. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 557 с.
- [Исторические песни] *Азбелева С.Н.* (сост.). Исторические песни. Баллады. М.: Современник, 1986. 622 с.
- [Ігри та пісні] *Дей О.І., Гуменюк А.І.* (упоряд.). Ігри та пісні: весняно-літня поезія трудового року. Київ: Наукова думка, 1963. 672 с.
- Калугина А., Ковник В.* (сост.). Былины. Исторические песни. Баллады. М.: Эксмо, 2008. 797 с.
- [Колядки та щедрівки] *Дей О.І., Гуменюк А.І.* (упоряд.). Колядки та щедрівки: зимова обрядова поезія трудового року. Київ: Наукова думка, 1965. 806 с.
- Корепова К.Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 479 с.
- [Круглый год] *Некрылова А.Ф.* (сост.). Круглый год: русский сельскохозяйственный календарь. М.: Правда, 1991. 493 с.
- Кулагина А.В.* Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.
- Лепешаў І.Я., Якаліцвіч М.А.* Слоўнік беларускіх прыказак: даведнік. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1996. 352 с.
- Лённгрен Т.П.* Сборник песен села Миленина, записанных С.Н. Шиль летом 1916 года // Лингвофольклористика. 2019. № 30. Ч. 2. С. 3–153.
- Листопадов А.* Песни донских казаков: В 5 т. Музгиз, 1953. Т. 4. 488 с.
- Магницкий В.* Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка: Губ. тип., 1883. 58 с.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.

- Марков А. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1901. XIII+618 с.
- Мельц М.Я., Митрофанова В.В., Шаповалова Г.Г. (подгот.). Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л.: Наука, 1961. 290 с.
- [МПСД] Адоньева С.Б., Степанов А.В. (сост.). Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы: записи конца XX — начала XXI века: В 2 т. СПб.: Пропповский центр, 2020. Т. 2: Вологодская коллекция. 567 с.
- Науменко Г.М. (сост.). Этнография детства. М.: Беловодье, 1998. 388 с.
- Номис М. (уклав). Українські приказки, прислів'я, і таке інше: збірники О.В. Марковича та інших. Київ: Либідь, 1993. 764 с.
- [Обрядовая поэзия] Жекулина В.И., Розов А.Н. (сост.). Обрядовая поэзия. М.: Современник, 1989. 734 с.
- Онищук А. З народнього життя гуцулів // Матеріали до українсько-руської етнології й антропальогії (Львів). 1912. Т. 15. С. 90–158.
- Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: систематизир. собр. изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979. 671 с.
- [Песни из архива Киреевского] Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М.: Наука, 1968. 679 с.
- [Песни Киреевского] Собрание народных песен П.В. Киреевского / Подгот. к печати, статья и коммент. А.Д. Соймонова. Л.: Наука, 1977. Т. 1: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. 325 с.
- [Пісні Поділля] Мишанич С.В. (упоряд.). Пісні Поділля. Записи Насті Присяжнюк в селі Погребище, 1920–1970 рр. Київ: Наукова думка, 1976. 523 с.
- Подюков И.А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Пермь: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2004. 318 с.
- Подюков И.А., Свалова Е.Н. Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. СПб.: Маматов, 2019. 220 с.
- Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. 404 с.
- Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда // Живая старина. 1903. Вып. 1–2. С. 188–224.
- [ППГ] Фядосік А.С. (рэд.). Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 613 с.
- Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб.: Тип. В. Безобразова, 1888. 266 с. (Записки ИРГО по Отд. этнографии. Т. 13. Вып. 2).
- [РК] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. 567 с.; 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. 607 с.; 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. 623 с.; 2011. Т. 8: Смоленская губерния. Ч. 2. 496 с.
- Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск: Типо-лит. Г.А. Малкина, 1891. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. XVI+450 с.

- [РС] Кулагина А.В., Иванов А.Н. (сост.). Русская свадьба: В 2 т. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2000.
- Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. 2-е изд. М.: Сотрудник школ, 1909. Т. 1. СП+512 с.
- [РЭПС] Смирнов Ю.И. (сост.). Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1991. 498 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 3).
- [СВГ] Словарь вологодских говоров: В 12 т. Вологда: Изд-во ВГПИ; ВГПУ, 1983–2007.
- Свеницький І. Похоронні голосія // Етнографічний збірник. Львів: Етнографічна комісія Наукового т-ва ім. Шевченка, 1912. Т. 31–32. С. 1–426.
- Симаков В.И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. Ярославль: Изд. собирателя, 1913. XIV+670 с.
- Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края (Кострома). 1920. Вып. 15: Второй этнографический сборник. С. 21–126.
- Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. 621 с.
- [СРГК] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- [СРНГ] Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- [СРЯ] Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.
- Сумцов М. Замова на бжолі // Українське бжільництво. Київ, 1908. № 3. С. 39.
- [Торопецкие песни] Земцовский И. (сост.). Торопецкие песни: песни родины М. Мусоргского. Л.: Музыка, 1967. 140 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1964–1973.
- Фишман О.М. «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 122–143.
- [ФНВ] Власов А.Н. (отв. ред.). Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (материалы к Своду русского фольклора). СПб.: Пушкинский Дом, 2014. 931 с.
- [ФНО] Бердяева О.С. (сост.). Фольклор Новгородской области: история и современность: по материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет. М.: Стратегия, 2005. 352 с.
- Фольклорные сокровища Московской земли. М.: Наследие, 1998. Т. 2: Ананичева Т.М., Самоделова Е.А. (сост.). Традиционные необрядовые песни. 538 с.
- Франко І. Галицько-руські народні приповідки. Львів: Друкарня Наукового т-ва ім. Шевченка, 1910. Т. 3. 554 с.

- [Частушки] *Астафьева Л.А.* (сост.). Частушки. М.: Современник, 1987. 492 с.
- [Чубинский] Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край: Юго-западный отдел: мат-лы и исслед., собранные П.П. Чубинским. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1872. Т. 1. Вып. 1. XXX+224 с.
- Шейн П.В.* Белорусские песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб.: Тип. Майкова, 1874. 566 с.
- Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северозападного края: В 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 2. XXII+715 с.; 1902. Т. 3. IV+535 с.
- Шейн П.В.* Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. Т. 1. Вып. 1. XXVII+376 с.; 1900. Т. 1. Вып. 2. XXVIII–LVIII + 377–833 с.
- Шмайда М.* А іші вам винчую: календарна обрядовість русинів-українців Чехо-Словащини. Пряшів: Відділ української літератури, 1992. 498 с.
- [Шедрий вечір] *Єфремова Л.О.* (упоряд.). Шедрий вечір. Ой радуйся, земле, Син Божий народився: новорічно-різдвяні співи з Житомирщини. Київ: Логос, 2013. 200 с.
- Щуров И.* Знахарство на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн. 4. Отд. V. С. 143–174.
- Якушкин Е.* Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде // Труды Ярославского губернского статистического комитета. 1868. Вып. 5. С. 157–182.
- [ЯОС] Ярославский областной словарь: В 10 вып. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.
- Vaikevičienė D.* (red.). Lietuvių užkalbėjimai: gydymo formulės = Lithuanian Verbal Healing Charms. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto leidykla, 2008. 920 p.

Библиография

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 814 с.
- Агапкина Т.А.* Сердце в восточнославянском фольклоре // Толстая С.М. (отв. ред.). Образ человека в языке и культуре: Сб. статей. М.: Индрик, 2018. С. 21–63.
- Апресян Ю.Д.* Радоваться, ликовать, торжествовать 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Яз. слав. культуры; Венский славистический альманах, 2004. С. 912–915.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора: лексика былины. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. Ч. 2: Мир человека. 192 с.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Конкорданс русской народной песни. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. Т. 1: Песни Курской губернии. 257 с.; 2008. Т. 2: Песни Архангельской губернии. 315 с.

- Вендина Т.И. Антропология диалектного слова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
- Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. Вып. 4. Ч. 6–10. 461 с.
- Ефименкова Б.Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян // Музыка русской свадьбы (проблемы регионального исследования): Тезисы докл. науч.-практ. конференции. М.: Б.и., 1987. С. 8–13.
- Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 234 с.
- Никитина С.Е. Шкалы ценностей в русском духовном стихе // Bartmiński J., Jasińska-Wojtkowska M. (red.). Folklor — Sacrum — Religia. Lublin: IEŚW, 1995. S. 145–156.
- Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. 354 с.
- Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 148–155.
- Потебня А.А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Новаковского, 1887. Ч. 2: Колядки и щедровки. 809 с.
- Сурикова О. К изучению языкового мира русских причитаний: категория «лишительности» и ее воплощение в тексте // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 287–298.
- Толстая С.М. Солнце играет [Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу] // Толстой Н.И. (отв. ред.). Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М.: Наука, 1986. С. 8–11.
- Толстая С.М. *Веселье и радость* // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка: очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 92–102.
- Толстая С.М., Толстой Н.И. Культурная семантика слав. *vesel- // Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 289–316.

Radost (Joy) in East Slavic Folklore

Tatiana Agapkina

Institute of Slavic Studies, RAS
32-A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
agapi-t@yandex.ru

The word *radost* (joy) and its derivatives are presented in most genres of East Slavic folklore (in Russian epics, calendar songs, funeral and wedding lamentations, songs and sentences, folk lyrics, sayings, incantations, spiritual poetry, etc.). In folklore contexts *radost* forms a part of set phrases indicating ways, methods, purposes, reasons and emotional states related to the performance of certain actions. The meanings of the folklore word *radost*, changing from genre to genre, are quite diverse. *Radost* as a ‘feeling of pleasure’ is realised in almost all genres, except for funeral and recruitment lamentations and, to some extent, spiritual poetry. A large place in folklore is occupied by contexts where *radost* acquires the meaning of a certain value. In a wide variety of genres, *radost* is correlated with the birth, the appearance of a new person — the Infant Christ or an ordinary newborn baby. In calendar folklore, *radost* is associated with “material” values — *koryst* (profit) and *dary* (gifts) — and materialises in such events and objects as children’s weddings (promising an addition to the family), the offspring of cattle, etc. In epics and weddings, *radost* is understood as a certain “objectified” event and means a feast (and especially a wedding feast), treats, reception of guests, or, finally, just a holiday. Projected onto the axiological scale, in the overwhelming majority of cases derivatives of East Slavic *rad-* are associated with a complex of positive meanings, although in some genres (mythological stories, spiritual poetry, sayings) *radost* can gravitate towards the opposite pole, where it is perceived as a consequence of a person’s unrighteousness, accompanying his sinful behaviour, is induced by Satan and his minions, or is even attributed to the devil.

Keywords: East Slavic folklore, genres, incantations, epic, verbal magic, dialects, folklore concept.

Referenses

- Agapkina T. A., *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl* [Mythopoetic Foundations of the Slavic Folk Calendar. Spring-Summer Cycle]. Moscow: Indrik, 2002, 814 p. (In Russian).
- Agapkina T. A., ‘Serditse v vostochnoslavyskom folklore’ [The Heart in East Slavic Folklore], Tolstaya S. M. (ed.), *Obraz cheloveka v yazyke i kulture*

- [The Human Image in Language and Culture]: A coll. of articles. Moscow: Indrik, 2018, p. 21–63. (In Russian).
- Apresyan Yu. D., ‘Radovatsya, likovat, torzhestvovat 2’ [Rejoice, Exult, Triumph 2], *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kultury; Wiener Slawistischer Almanach, 2004, p. 912–915. (In Russian).
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T., *Slovar yazyka russkogo folklor: leksika byliny* [Dictionary of the Language of Russian Folklore: Lexicon of Bylinas]. Kursk: Kursk State University Press, 2006, part 2: *Mir cheloveka* [The Human World], 192 p. (In Russian).
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T., *Konkordans russkoy narodnoy pesni* [Concordance of Russian Folk Song]. Kursk: Kursk State University Press, 2007, vol. 1: *Pesni Kurskoy gubernii* [Songs of Kursk Province], 257 p.; 2008, vol. 2: *Pesni Arkhangel'skoy gubernii* [Songs of Arkhangel'sk Province], 315 p. (In Russian).
- Efimenkova B. B., ‘K tipologii svadebnykh ritualov vostochnykh slavyan’ [Towards a Typology of Wedding Rituals of the Eastern Slavs], *Muzyka russkoy svadby (problemy regional'nogo issledovaniya)* [The Music of the Russian Wedding (Problems of Regional Research)]: Theses of Reports of Scientific-Practical Conference. Moscow: S. n., 1987, p. 8–13. (In Russian).
- Nikitina S. E., ‘Shkaly tsennostey v russkom dukhovnom stikhe’ [Scales of Values in Russian Spiritual Verse], Bartmiński J., Jasińska-Wojtkowska M. (red.), *Folklor — Sacrum — Religia*. Lublin: IESW, 1995, s. 145–156. (In Russian).
- Nikitina S. E., *Chelovek i sotsium v narodnykh konfessionalnykh tekstakh (leksikograficheskiy aspekt)* [Man and Society in Folk Confessional Texts (Lexicographic Aspect)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS Press, 2009, 354 p. (In Russian).
- Penkovskiy A. B., ‘Radost i udovol'stviye v predstavlenii russkogo yazyka’ [Joy and Pleasure as Represented in the Russian Language], Arutyunova N. D. (ed.), *Logicheskiy analiz yazyka: kulturnye kontsepty* [Logical Analysis of Language: Cultural Concepts]. Moscow: Nauka, 1991, p. 148–155. (In Russian).
- Potebnya A. A., *Obyasneniya malorusskikh i srodnykh narodnykh pesen* [Explanations of Little Russian and Related Folk Songs]. Warsaw: M. Zemkiewicz and V. Noakowski Printing House, 1887, part 2: *Kolyadki i shchedrovki* [Carols], 809 p. (In Russian).
- Surikova O., ‘K izucheniyu yazykovogo mira russkikh prichitaniy: kategoriya “lishitelnosti” i ee voploshchenie v tekste’ [On Studying the Linguistic World of Russian Lamentations: The “Deprivation” Category and Its Text Implementation], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 28, p. 287–298. (In Russian).
- Tolstaya S. M., ‘Solntse igraet (Materialy k polesskomu etnolingvisticheskomu atlasu)’ [The Sun Plays (Materials for the Polesian Ethnolinguistic Atlas)], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskiy i balkanskiy folklor. Dukhovnaya kultura Polesya na obshcheslavyanskom fone* [Slavic and Balkan Folklore. Spiritual Culture of Polesie on the Pan-Slavic Background]. Moscow: Nauka, 1986, p. 8–11. (In Russian).

- Tolstaya S. M., 'Veselye i radost' [Fun and Joy], Tolstaya S. M., *Mir cheloveka v zerkale yazyka: ocherki po slavyanskomu yazykoznaniiyu i etnolingvistike* [The Human World in the Mirror of Language: Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 2019, p. 92–102. (In Russian).
- Tolstaya S. M., Tolstoy N. I., 'Kulturnaya semantika slav. *vesel-' [The Cultural Semantics of Slav. *vesel-], Tolstoy N. I., *Yazyk i narodnaya kultura: ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Popular Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995, p. 289–316. (In Russian).
- Vendina T. I., *Antropologiya dialektного slova* [The Anthropology of the Dialect Word]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020, 684 p. (In Russian).
- Veselovskiy A. N., *Razyskaniya v oblasti russkikh dukhovnykh stikhov* [Research in the Field of Russian Spiritual Poetry]. St Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1883, is. 4, parts 6–10, 461 p. (In Russian).
- Zhuravel O. D., *Syuzhet o dogovore cheloveka s dyavolom v drevnerusskoy literature* [The Plot of Man's Pact with the Devil in Old Russian Literature]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1996, 234 p. (In Russian).